Боб Май

Школа выживания

Художник Ирина Борисова

Редактор Борис Букин Подготовка к печати и макет Светланы «Цилечки» Май

Февраль 2017

Боб Май 15 февраля 1947— 21 июля 2015

Вашему вниманию предлагается мозаика, составленная из событий, так или иначе коснувшихся жизни автора, который, не претендуя на точность изложения истории, тем не менее сумел, как нам кажется, создать легкую дымку юмора, с которой он прожил эту жизнь, находя ее забавной, несмотря на то, что жизнь, та ещё сука, находила его не раз.

PACTICATIVE YPOKOB

Дошкольное воспитание

Хорошенькое начало **9**Во саду ли в огороде **10**Цирк да и только **12**Красивая дама **1**

Родительское собрание

Дед **16**

Захар Борисыч 17

Мишпоха 18

Декабристки **21**

Дунькины именины 23

Мама всегда права 26

Одна тёща хорошо, а две — лучше 27

Игры и развлечения 28

Юбилей 31

Анатомия и физиология (пубертатный период)

Падение 33

Лагерные будни **36** Лекция **39**

Военная подготовка

Озадачил 41

Фокус **42**

Карьера и любовь 43

Загадка **46**

Пожар 48

Ралдугин 51

Сон 52

Случай на площадке 5А 52

Подарок 55

23 февраля 58

Megkabuhem

Доктора 60

Анализ **61**

Женское 63

Диагноз 64

Успехи отечественной медицины 66

Музыка и пение

Музыкальная история **69** Дорогой Анатолий Павлович **70** И — об искусстве **72**

Уроки русского

- «Я только помоюсь и уйду» 76
- «Так сложились обстоятельства» 77
- «Якби не отой хворий» 78
- «Чем же я тогда торговать буду?» 80
- «Хорошо, что у меня нюх такой» 81
- «Только без накипу» 82
- «Чим жиденят годують» 83

Трудовое обучение

Счастливый Новый год 84

Приговор 86

На остановке (пьеса в двух действиях) 88

История прошлого мира

Исполнение желаний **92**

Любовь в небольшом городе 93

Братство обрезанных **96**

Город химиков 99

Свадьба в Малиновке 100

Толстый Витя, 1979 102

Толстый Витя, 1999 104

Оккупант 106

В ожидании мусоровоза 106

Русские женщины 107

Сухопутный матрос 109

Печальная история 111

В одном подъезде 113

Спальный вагон 115

Месть 118

Капиталист 120

Дела конторские 122

Друзья познаются в дверях 124

Большая перемена

OBИР — ворота в мир **127**

У фонтана в Ладисполи 129

Длинный, длинный день 130

Возвращение **133** Рецидив **135**

Уроки английского

Нам не дано предугадать... **138** Бунт на корабле **140** WTF **143**

Уроки американского

Друг **145**

Гуманитарная помощь 146

Ортодоксальный парадокс 147

Не, ну в самом деле! 149

Мольберт Чикагский 150

Критик **152**

Дружба дружбой, а табачок врозь 153

Черкасский цирюльник 155

Priceless 156

Инвалид 157

Ветераны 160

Соседка **161**

He ангел **165**

Предатель 167

Сыр 167

Акулина **168**

Мистер и миссис Мозес 171

Leosbadna

Винница 173

Иерусалим **17**4

Команчи 176

Авиньон 178

Наш человек в Барселоне 180

Откуда вы, сэр? 181

Домоводство

Прошу совета! 183

Лук **185**

За обедом **187**

Надюнчик 188

Логика (женская) - факультатив

Патриархальное матримониальное 191

Таис Луганская 192

Лекарство 194

Букет **195**

Мы волнуемся всегда 196

Спокойствие, только спокойствие 197

Разгадка 198

Хорошенькое начало

В 1946 г. моя мама понесла. Семья жила дружно, но в доме не топили и есть было почти нечего, а потому пошла мама делать аборт (тогда их ещё разрешали).

Роддом от нас недалеко — улицу перейти, но даже на коротких дорогах случаются чудеса: маму остановила знакомая докторша.

- Ты чего ревёшь?
- На аборт иду, боюсь.
- Я тебе дам аборт! А ну пошли домой!

Я, конечно, слышал, как врач маму успокаивала, убеждала, пугала, жалела, но подробностей не помню. Ясно только, что доктор не позволила маме идти лёгким путём, и месяцев через семь

я родился— длинный, с рыжими волосами и синей кожей.

Через неделю я начал умирать. Называлось это токсической диспепсией. Та же докторша уложила нас с мамой в больницу и «пользовала», пока я не оклемался. Думаете, я знаю, как этого ангела, посланного Всевышним мне во спасение, звали?

Нет, не думаете.

Bo cagy su b ozopoge

Меня отдали в детский сад №77 на улице Данилевского. Садик был «ведомственный», значит — хороший, но уже первый день начался ужасно: мне дали шкафчик для верхней одежды с наклеенным на дверцу самолётом, отчего-то вверх колёсами, мне, свободно читавшему Пушкина с ятями и ижицами — самолётик вверх тормашками!

После завтрака воспитательница села на стул посреди «залы» и стала вызывать детей:

- Матвиенко! мальчик вышел на середину.
- Становись на колени! он встал.
- Повторяй за мной: «Я негодяй, я написял вчера в кровать!» мальчик что-то пробормотал.
  - Громче, негодяй!
  - **.**.
  - Громче, чтоб все слышали!
  - Я написял... нечаянно...
- Повторяй: «Галина Фёдоровна, простите меня, пожалуйста, я больше не буду! Повторяй, Матвиенко».
  - Не буду...
  - Что не будешь?
  - Больше не буду...
- Кланяйся! Ниже! Сядь на место. Слуцкая! Иди сюда, становись на колени!..

Дней пять я ложился после обеда на самый край

раскладушки, где в тело впивалась деревянная палка, чтобы не заснуть, и держался так до полдника.

Потом рассказал обо всём родителям. Мама посмотрела на папу, и больше я в ведомственный сад не ходил. Через знакомых папа устроил меня в садик на Рымарской. Нас каждый день водили на прогулки в сад Шевченко мимо нашей Оперы, и воспитательница была молодой и доброй, и, конечно, как её звали, я не помню.

А Галину Фёдоровну помню. Пусть ей земля будет расплавленным оловом.

Цирк да и только...

Мне было без двух месяцев шесть, когда я получил предложение выступать в цирке.

Роль была несложной: слон выносил плетёную корзину и опускал её на арену, из корзины выпрыгивал я, одетый Новым Годом (красные полушубок, шапка, валенки), бодро выкрикивал недлинное поздравление с 1954-м самим собой, делал комплимент* и уходил в сторону — начинался парад-алле**.

На репетициях всё шло хорошо: слон деликатно дышал в сторону, стишок я помнил, «голос мой звенел»...

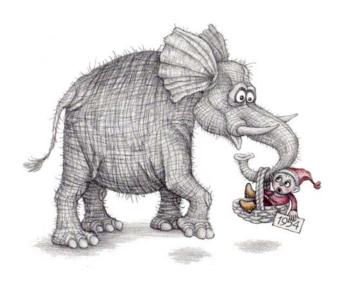
А выступление... меня ослепили прожектора, я не слышал собственного голоса и совсем потерял кураж. Откричал своё, убежал и спрятался. Мне было стыдно.

Дошкольное воспитание

Никто не заметил моего конфуза, но я категорически отказался от последующих выступлений, моя цирковая карьера закончилась.

Меня не ругали, только мама всплакнула: ей обещали, что по окончании праздников валенки, в которых я буду выступать, останутся мне насовсем...

^{**}торжественный выход всех артистов перед представлением

^{*}цирковой поклон

Kpacubas gama

Я уже большой, мне почти пять. «На ту сторону» улицы переходить нельзя, но если меня переведёт взрослый, то можно, нужно только держать его за руку всё время. Там скверик, в нём гулять интереснее, чем в моём дворе, куда выходят подсобки магазинов, пятятся задом грузовики и ругается дворничиха Домна.

- Я в скверике и вижу замечательную вещь: детский автомобильчик, совсем как настоящий. В нём есть руль и педали: дави на них и можешь ехать куда угодно. Дети объезжают на нём фонтан (воды в нём нет, но это всё равно фонтан и снег вокруг него убран) и вылезают, уступая место другим. Руководит катанием дама в шубе. Руки дамы греются в меховой муфте. И шуба, и муфта, и сама дама очень красивые. Я уже большой почти пять и отличаю красивых женщин.
- Теперь Миша, говорит дама, и противный толстый Миша неуклюже влезает в машинку.
  - А теперь Саша.
- Садись, Олечка! (Куда ей садиться, она же не сможет давить на педали?!)
  - Ну-ка, Олежек, прокатись!
  - Теперь Мишина очередь. (Опять этот пузя!)
  - Давай, Саша, покажи, как ты водишь машину.
  - Я стоял совсем рядом и ждал. После того, как все

прокатились по четыре раза, я спросил:

— А когда я?

Дама ответила мне, как взрослому:

На этой машине — никогда.

Я не заплакал. Машины принадлежат красивым женщинам в шубах, плачь не плачь. Попросил какуюто бабушку перевести меня через улицу и пошёл играть в свой двор.

Дед

Моего деда по отцу звали Захаром Борисовичем. Вообще-то, имя его было Зурах, но в послевоенное время что-то случилось с еврейскими именами: когда мой папа получал паспорт после демобилизации, паспортистка объяснила, что имя Соломон пишется теперь иначе: Семён.

Дед умер неожиданно и глупо: заболело в груди, вызвали скорую, врачиха сделала укол, и дед скончался. Она посмотрела на шприц, на пузырёк, из которого этот шприц заправляла, побледнела и сказала: «Ой!». В комнате было полно народу, но все растерялись и никто не отобрал у врачихи пузырёк. Впрочем, деду это уже не помогло бы... На похоронах было человек сто пятьдесят, играл военный оркестр и оркестр просто. Прохожий спросил меня: «Кого хоронят? Большой, наверное, был человек».

Да — большой, широкий, весёлый, шумный. До войны он был дамским парикмахером, участвовал во всесоюзных конкурсах, причёсывая бабушку Броню, и побеждал, а после войны работал в харьковском цирке администратором. Дед был прекрасным администратором — в цирке всегда был аншлаг, а в доме у деда (дом — одна комната на троих и соседка) бывали цирковые звёзды тех лет сёстры Кох, Григорий Новак, Рожковский и Скалов, великая Ирина Бугримова.

Я сам бывал в цирке дважды в неделю лет с двух, но после смерти деда — ни разу. Когда подрос мой старшенький, я повёл его в новый цирк, выстроенный в другом месте. Там был незнакомый мне директор, новые администраторы и режиссёры, но я пошёл не в кассу, а в чей-то кабинет и сказал: «Этого мальчика зовут Захар Борисович Май. Посадите его в директорскую, и пусть за ним присмотрят». Захарчика без слов увели, а я не смог заставить себя посмотреть на арену: без деда для меня цирка не было.

Да и сейчас Цилечке не удаётся затащить меня даже на Cirque du Soleil. Если дед не стоит в центральном входе в амфитеатр, держа левую руку в кармане смокинга, а правую на бархатном занавесе — это не Цирк...

Захар Борисыч

Осенью 1941-го Харьков эвакуировали. Почти всё пришлось бросить, да и взяли с собой совсем не то, что было нужно. Ещё до Саратова на маленькой станции деда арестовали и чуть не расстреляли: в его вещах нашли увесистый пакет золота (чёрт его дёрнул взять с собой бронзовую пудру для волос: она была в моде, и дед справедливо полагал, что дамскому парикмахеру и в Ташкенте найдётся дело). К счастью, нашёлся кто-то, поставивший этому золоту пробу «гов-

но!», и деда, хоть и без вещей, отпустили.

За Волгой остановились надолго. Комендант поезда сказал, что раньше следующего дня поезд не двинется и пассажирам можно пойти в город разжиться тем, что нужно для дальней и долгой дороги. Дед, бабушка и моя будущая мама пошли в город.

Дома были открыты, мебель стояла на местах, посуда на столах, в шкафах лежали и висели простыни, рубашки, платья. Пассажиры стали набивать узлы барахлом. Дед спросил у одного из солдат комендатуры, что происходит.

- А тут немцы жили, поволжские. Их всех в одночасье вчера вывезли.
  - Куда?
- А кто знает? НКВД вывозило... Вы берите чего надо: всё равно пропадёт.
- Нам ничего чужого не нужно! сказал мой дед, сын шамеса харьковской хоральной синагоги, большой труженик, тот ещё жулик, и я ясно вижу, как изменили эти слова его осанку.

Muunoxa

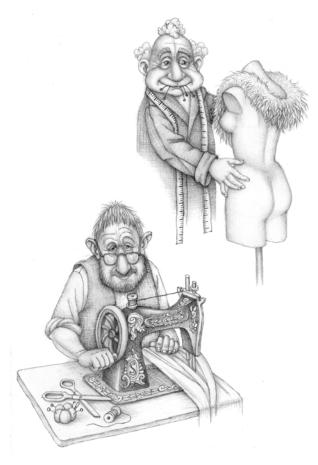
Сестра моего деда Захара Маня была замужем за Самуилом Литкиным. Когда мне было «от 2 до 5», я бывал в их доме чуть ли не через день (через много лет я понял, что тётя Маня и дядя Самуил старались неза-

метно подкармливать нашу семью, жившую в послевоенное время очень бедно). Сам дед Захар был женат на Броне из семьи Минских, и у бабушки Брони был старший брат Самуил... в общем, наши дела.

Оба Самуила были закройщиками дамской верхней одежды и, возможно, лучшими в городе: очередь к обоим была на год и состояла из первых городских дам и первых городских красавиц. Пальто в то время не покупалось и даже не шилось: оно строилось! Самуилы вовсю боролись за почётное право называться «первыми ножницами» города: создавали фасоны, за немыслимые деньги покупали иностранные (это в начале пятидесятых годов-то!) журналы мод, доставали отрезы, шикарные меха на воротники, заказывали пуговицы ручной работы и пиарили:

«Мадам, в этом пальто вы неотразимы. Это я вам говорю — Минский! Посмотрите на пальто прокурорши, что построил Литкин, и вы увидите разницу — у вас есть вкус!»

Кто же был лучшим? А как узнать — научите! По клиентуре? Дамы держались своих Самуилов, перебежчиц не было. По оплате? Оба были богаты, но кто мог знать, какие купюры получали они при прощальном рукопожатии? Клиентки об этом не говорили: сложенные в комочек деньги во много раз превышали суммы, в которых они отчитывались перед мужьями: красота стоит любых денег!

Соревнование длилось с довоенных времён, пальто обсуждались и сравнивались, но однозначного «And the Oscar goes to...» провозглашено не было.

А я вот захотел узнать — и узнал (в шесть лет я был очень умным, потом это как-то рассосалось). После ужина — ах, как тётя Маня кормила! — перед тем, как все сели за карты, я по секрету задал каждому один вопрос: «Дядя Самуил, а кто лучший закройщик — ты или другой дядя Самуил?» — и оба так же по секрету ответили ребёнку: «Конечно, тот дядя Самуил!»

Упокой, Г-споди, их души!

Декабристки

На застольях у дядюшки (лет до шести я был там постоянным гостем) я видел двух братьев — Пашу и Гришу, представителей семейной ветви, не очень нам близкой. Мама их не любила, брезгливо называла торгашами. Ей, бухгалтеру, любое жульничество казалось отвратительным. Не любила моя мама и их жён — Эльку и Баську — тучных, шумных, ни дня в жизни не работавших, увешанных бриллиантами и говоривших только о ресторанах, Сочи и импортных мебельных гарнитурах.

Работали Паша и Гриша на базаре в холодном зелёном рундуке из нестроганых досок, где продавали не то уголь, не то керосин — в их «точке» даже витрины

не было, но по меркам пятидесятых годов они считались очень богатыми.

Однажды лавочку накрыли. Пашу взяли, а Гриша ударился в бега. Потом был суд (Гришу судили заочно), и им выписали по десятке на брата, хотя было плачено много и прокурору, и адвокатам, и судье.

Эля продала всё, что оставалось после обыска, и поехала жить в Мордовию — хлопотать и носить передачи. Страшно сказать, но её передачи сослужили Паше плохую службу: обратили на него внимание лагерного кума. Пашу таскали на допросы целую неделю: кума интересовало, куда зэк спрятал деньги. Паше отбили все внутренности, и он умер.

Эле разрешили забрать тело, но то, что ей выдали, не было телом её Паши. Ей сказали: «Берите, гражданка, что есть, или не берите ничего — дело ваше». Она привезла гроб в родной город и похоронила неизвестно кого под камнем с Пашиным именем.

А Гриша скрывался целых пять лет. Он даже навещал Басю дома. И однажды во время такого визита у него сильно заболел зуб, и Гриша пошёл в дежурную зубную поликлинику, работавшую ночью. Врач снял боль, и Гришу забрали на пороге кабинета. /Мне позвонить в гестапо или это сделаете вы? ©/

Бася уехала вслед за мужем куда-то на Колыму.

Что было дальше? Ничего дальше не было.

Дунькины именины

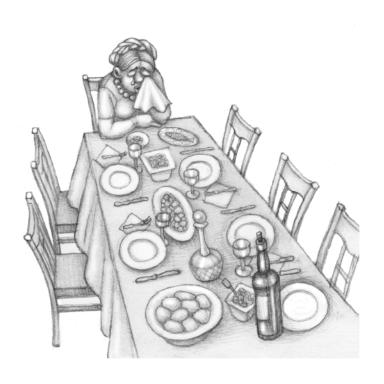
Вспомнилась мне история, известная с детства и оставившая след в семейном словаре.

Мои дед и бабушка жили до войны в Харькове в Скрыпницком переулке (пер. Воробьёва), за синагогой. У них была домработница Дунька — так она себя называла. Дом был шумным, гости и застолья шли одни за другими. Дунька ходила на базар, готовила, подавала на стол, мыла посуду. Её хвалили и хозяева, и гости, но это была работа, день за днём одна работа, а ей хотелось праздника. И однажды она сказала деду: «Я тоже хочу именины!»

Отчего же нет? День был назначен, и Дунька стала готовиться. Родственников в городе у неё не было, и она пригласила знакомых домработниц, старушку, торговавшую у дома семечками, истопника, участкового милиционера. Купила продукты, наготовила еды, застелила стол белоснежной скатертью и поставила на неё праздничную посуду.

Дед, бабушка, моя будущая тётушка с мужем и сыном ушли, как обещали, на всё воскресенье. Они знали, что Дуня лицом в грязь не ударит, за неё можно не волноваться.

Вернувшись вечером, они увидели печальную картину: Дунька рыдала, великолепный стол стоял нетронутым. Гости не пришли. Её старания, её траты пропа-

ли напрасно, никому она не нужна, одна-одинёшенька на всём белом свете, среди чужих людей...

Дед думал не дольше десяти секунд и выдал фразу, которой мы, Маи, гордимся по сей день: «Ша! Я покупаю эти именины!» Он усадил Дуньку во главе стола, велел ей прекратить реветь и услал жену Броню и дочь с поручениями. Через четверть часа в доме появились соседи — весь двор! Комната заполнилась, зазвенели вилки и рюмки, пошли тосты за Дуньку-хозяйку, за Дуньку-кухарку, за Дуньку-красавицу, за Дуньку-умницу. Дуньке желали долгих лет, желали жениха, желали счастья: «Кому же быть счастливой, если не тебе, Дуня?!»

Дед преподнёс ей подарки от семьи: отрез на пальто и пуховый платок. Пир вышел на славу!

Перед самой войной Дуня вышла замуж за хорошего человека и съехала. Они с мужем пережили войну (её мужу это стоило одной руки) и «жили не хуже от людей». Я помню её: она несколько лет приходила к нам на Пасху и приносила кулич и крашеные яйца. Мама отдаривала её, они вспоминали прошлое, смеялись и плакали.

Нет давно на свете ни деда, ни бабушки, ни моих родителей. Умерли все, кто был тогда за столом, снесён дом в переулке, а изо всей длинной Дуниной жизни я знаю всего лишь об одном дне — горьком и радостном. Такие вот случились «Дунькины именины».

Mama Bcezga npaba

Сегодня день рождения моей мамы. Её звали Рахиль.

Школу я закончил почти на одни тройки (кроме русского и литературы). В институт поступил, не желая идти в солдатчину. Надоело мне быстро, и я решил было бросить это скучное дело, но мама сказала:

— Нам с папой не удалось выучиться, но мои дети должны иметь образование.

Я объяснял, что в наше время образование никому не нужно: даже если я найду работу, моей зарплаты будет недостаточно, чтобы содержать себя, не говоря уже о семье.

- Закончи институт, получи диплом, а потом делай что хочешь - хоть бейся головой об стену. Тебе не нужно - сделай это для меня!

Маме это было важно, и я стал учиться лучше, а женившись на третьем курсе и став отцом на четвёртом, выбился в приличные студенты и получал стипендию, а потом защитился на отлично.

Меня тут же призвали офицером в армию. Через два года я вернулся, проинженерил ещё два года, уже имея двух детей, и ушёл в вольные фотографы. Родители были «не в восторге», но зарабатывал я хорошо, и они смирились.

В Штатах я сначала работал фотолаборантом. Пла-

тили очень мало, и я переквалифицировался в программисты. Когда подвернулась государственная работа, у меня впервые в жизни спросили диплом. Я послал свой, советский, на аттестацию, получил документ, подтверждающий высшее образование (Master's degree), и получил работу, на которую без диплома меня бы не взяли.

Слушайтесь маму: она вам добра желает!

Одна тёща хорошо, а две — лучше

Ко времени моей женитьбы невестины родители давно разошлись. Сразу вслед за моей свадьбой мой тесть женился вторично. Моя жена обрела формальную мачеху, а я — вторую тёщу. Иметь двух тёщ — одну в Харькове, другую в Севастополе — оказалось совсем не плохо.

Через восемнадцать лет после свадеб все мы собрались в одной стране, в одном городе: «я, ты, он, она — вместе дружная семья», шестнадцать человек!

Тёща-1 с головой окунулась в американскую жизнь: у неё всегда полон дом гостей, она фотографирует (около сорока альбомов фотографий), пишет акварели, ходит на все концерты и выставки, ездит по заграницам и учит друзей английскому и русскому языкам.

Тёща-2, приехавшая с тестем позже, следовала

мудрым советам падчерицы и преуспела: работает по специальности в престижном Christopher Columbus Center for Marine Biotechnology, опубликовала несколько статей...

А тесть и с ней развёлся. Равенство в статусе подтолкнуло «бывших» к дружбе. Они вместе ходят на концерты и ездят на экскурсии. Первая тёща называет вторую «младшей женой», а та её — «старшей». За титул «любимая жена» они не борются. А зачем? Им больше нравится «Happily Divorced».

Игры и развлечения

Когда я был мальцом, папа по моей просьбе проделывал такую штуку: в скверике мы подходили к скамейкам, где играли в шашки, и смотрели на игру. Через некоторое время папа начинал прицокивать языком. Когда игра заканчивалась, папа говорил проигравшему, что если бы тот к нему прислушивался, партию удалось бы спасти.

Раздосадованный проигрышем гражданин легко попадался на удочку и предлагал папе (моему папе!) доказать на деле, что он таки разбирается. Папа отнекивался, но давал себя уговорить и садился сыграть одну партию.

Незаметно и как бы нечаянно он выигрывал и поднимался, чтобы уйти. Гражданин, уверенный в случайности проигрыша, шумно настаивал на реванше и проигрывал вторую, третью, четвёртую партию, каждую — быстрее, чем предыдущую...

Постепенно у скамейки собиралась небольшая толпа. Над любителем посмеивались, давали ему советы, далёкие от шашек, а он потел, бледнел и ничего не понимал. Мы тихонько уходили. Я был в восторге: никто, кроме меня, не знал, что мой папа — мастер спорта по шашкам! Не знаю, каково чувствовать себя самым умным (не приходилось), но быть самым осведомлённым — ой как приятно.

Однажды после такой игры к папе подошёл молодой парень и спросил:

- Вы кто?
- Я Май.
- A-a-a, а я (он назвался).

Они, улыбаясь, пожали друг другу руки и, немного поговорив, разошлись. Шашисты разных поколений, они не встречались в турнирах, но, конечно, знали друг о друге.

Я не играю ни в шашки, ни в шахматы, но мне порою хочется, чтобы кто-то выделил меня из толпы как своего по особым, не видимым другими, признакам. Иногда это случается.

Юбилей

Мой папа был добрым, нешумным и жил просто: работал с детства, в 21 год женился по любви на 19-летней моей будущей маме, в 1937 году у них родился мой брат Лёня.

Когда началась война, пошёл с первого курса института добровольцем (у него был порок сердца, и его не призывали в армию). Воевал связистом и закончил войну младшим сержантом. Был ранен осколком снаряда (я помню его хромающим), и осколок этот хранился вместе с медалями.

Отец не вернулся в институт, а стал слесаремэлектриком; его назначили начальником цеха, но он
категорически не хотел делать карьеру и вернулся в
рабочие. Честно ожидал очереди на квартиру — недолго, лет 40-45 — но так и не получил её. Родина щедро
поила его «берёзовым соком, берёзовым соком» и,
создавая могучие баллистические ракеты, не заботилась об обеспечении его лекарствами. Он мучился от
паркинсонизма, и история каждой коробочки югославского лекарства «леводопа», доходившей через многие то добрые, то жадные руки, достойна приключенческого романа.

У папы было два хобби: шашки и рысаки. Мы жили вчетвером в комнате на пятом этаже в центре города с семью семьями соседей, и лошадей держать было не-

где. Поэтому папа проводил все выходные дни на ипподроме. В шашках же он доигрался до звания мастера спорта СССР и любил повторять, что шашки — это самый полезный вид спорта: они развивают ловкость пальцев.

Иногда он очень меня удивлял. Однажды в гостях сел за пианино — оказалось, он умел играть, да ещё как! Узнал, что я играю в карты, и предложил поиграть с ним — обыграл меня во все игры, которые я знал, а потом показал несколько шулерских приёмов. И с тех пор карт в руки я не брал.

Я мало следовал его советам: считал, что и сам не промах, и как-то он сказал мне: «Чем старше будешь ты, тем умнее буду я». Я вспомнил эти слова много лет спустя и обрадовался его мудрости.

В детстве я играл сделанными им игрушками, позже он научил меня зарабатывать, делая электропроводку, помогал всем, чем мог, в том числе деньгами, показал, что при всех болезнях можно жить восемьдесят четыре года, но главное, чему я у него научился — это быть папой: у меня прекрасные сыновья.

Сегодня папин День рождения — он родился ровно 100 лет назад.

Камешки на могилке и свеча дома.

Падение

В пионеры я никак не годился, но им не хватало одного для выполнения плана, а я хотя бы отметки имел хорошие. На первом же сборе отряда я провёл себя в председатели совета и получил две лычки на локоть. Их я носил открыто (младшему комсоставу стыдиться нечего), а галстук носил в кармане; на строгий ежедневный вопрос «Май, где твой галстук?» невинно отвечал: «Да вот же! Погладить не успел...»

Меня неоднократно пытались лишить высокого поста, но электорат этих затей не поддерживал, а в пятом классе, когда я заиграл на трубе и в качестве горниста открывал городские пионерские слёты, что ввело меня в номенклатуру городского уровня, школьной организации до меня было не добраться. (Так в средние века непременным членом магистрата был палач. Я видел в Италии торжественные шествия старого образца: палач в красном капюшоне шёл сразу за мэром, за ним — члены совета. Уважали: ведь он не только рубил головы, но и сёк зады, пытал и взимал пошлину — с таким лучше было иметь добрые отношения: мало ли как карта ляжет...)

В восьмом классе меня из пионеров всё-таки выперли. Так решил школьный педсовет. Шкрабам скандал был совсем некстати, но отец одноклассницы, полковник внутренних войск, подал жалобу в ГорОНО, и нужно было реагировать.

Я, вишь, оскорбил достоинство его дщери Ирины, и он этого так не оставит! Не отрицаю, я гладил её ножки под юбкой, но делалось это с её полного согласия, удовольствие получали оба, и не наша вина, что молоденькая дура-училка зашла в класс не вовремя.

Согласно тогдашнему кодексу девичьей чести Ирочке пришлось всплакнуть, училка сдуру позвонила её родителям, благородный отец написал донос ...

Сообщником по делу проходил мой дружок Витька: пользуясь Ирочкиной занятостью, он гладил её грудки.

Педсовет был бурным. Я был главным обвиняемым, Витя проходил как соучастник. Потерпевшая Ира и две сочувствующие Люси слушали под дверью. Русачка Мариванна бесновалась, требуя для нас кастрации с изоляцией, биологичка объясняла про пубертат, ветхая географичка нежно вспоминала раздельное обучение. Остальные издавали «бу-бу-бу», ожидая выступления директрисы, чтобы присоединиться к её правильному мнению.

Вердикт был краток: из пионеров обоих — вон; в школе оставить; меня перевести в параллельный класс (разбить развратный тандем); оценку по поведению снизить всем троим; училку, опорочившую честь школы, перевести на младшие классы.

Когда мы вышли на воздух, мой папа сказал Витиному с чувством:

- Какая сволочь эта русачка!

- Жуткая антисемитка, - ответил тот, - она бы и нам яйца поотрывала, дай ей волю.

До самого дома мы молчали. Уже в подъезде папа сказал: «Ты уж дотяни до конца года».

Одноклассники написали петицию в мою защиту и хотели бастовать, но я упросил их оставить всё как есть, затем быстренько вступил в комсомол, получив рекомендацию от завуча, которая вернулась после болезни и не знала о педсовете, но ценила меня за мои сочинения-диктанты, написанные без ошибок, и за работу в радиоузле. Потом был, конечно, небольшой скандальчик, но райком уже утвердил, надвигались экзамены, восьмой класс был последним, а комсомольцы... ну а что комсомольцы?

Лагерные будни

В пионерском лагере меня подло подставили. Пара моих друзей, заметив, что на меня нежно смотрит пионерка Лена, написали ей любовное письмо от моего имени. Девочка ответила им, они ответили ей, и письма потекли рекой.

Я был влюблён в Иру, Женю, Нину и нашу докторшу и возни за своей спиной не замечал. В честь докторши я совершил подвиг: удрал ночью на озеро и искупался в холодной воде, а к обеду следующего дня уже лежал в изоляторе и моя любовь меня пользовала — я был единственным больным. Она измеряла темпера-

туру моего тела, клала на лоб холодные компрессы, подавала лекарства, нежно касаясь то коленом, то грудью, то просто поглаживала мою дурную голову сладко пахнущей рукой. Болеть было легко и приятно.

Лена навестила меня на следующий день. Она принесла черешню, была печальна и молчалива, а я, высокотемпературный и налекарственный, ничего не понимал; да я и видел-то её до того всего пару раз: она была в другом отряде...

Потом пришли поднять мой боевой дух эти негодяи с пачечкой девичьих писем. Письма были простыми и трогательными: «Ты мне тоже нравишься, ты не похож на других...»

Письма от моего имени они со смехом пересказывали: «моя любовь мощна, как опоры моста через Лопань», «никакой шторм, даже семибальный, не поколеблет шкалу Рихтера...»

Пацаны заходились от хохота, а мне было совсем не смешно: мой горячечный мозг пытался придумать, как выкрутиться из этой истории.

Спалось мне плохо. В соседней комнате скрипело и стучало. Сонный, больной и злой, я пошёл туда. Моя докторша дарила любовь физруку, сидя на нём сверху. Я был разочарован: докторша, моя докторша, нежная и хорошенькая, без белого халата оказалась жирной бабищей с отвислым трясущимся брюхом! Как я не замечал этого раньше?

Я вернулся в свою палату и лёг. Снились хохочущие друзья, подмигивающий физрук, озеро, покрытое письмами...

Проснулся я здоровым и из изолятора убежал. Взял у старшей вожатой свой горн и разбудил лагерь, закончив сигнал верхним «до» — и о моем возвращении в строй узнали все и сразу.

Мне были рады, и я был рад, и только перед Леной было неловко: как с ней себя вести, я не знал.

Лена тоже меня избегала и уехала до окончания лагерной смены.

Инициатор мистификации Рафик живёт теперь в Израиле, а Сашка, писавший от моего имени, давно умер. Пионерские лагеря, я слышал, ещё существуют. Что там творится, я себе и представить не могу: дети теперь так быстро взрослеют...

Лекция

Мне и Ирке по 16. Торчу у неё второй час. Она выстукивает из рояля этюды Черни, я ловлю губами её ухо. Входит Иркин отчим:

- Когда приходишь к девушке, нужно сначала снять пальто! А потом всё остальное.
  - Так она же без пальто...

Он гнался за мной с четвертого этажа до второго, потом отстал.

Потом остыл. Потом позвал.

03адачил

Я — «линейный работник». У меня нет «людей». «Люди» — в отрядах. Военно-строительный отряд соответствует по количеству людей батальону и состоит из рот, роты — из взводов, взводы — из отделений. Каждым подразделением кто-то командует, кто-то обеспечивает пищевое и вещевое довольствие, расквартирование, транспорт и подобие порядка, а я командую только на объекте и только по строительным вопросам через этих начальников.

Первый командир отряда, с которым я имею дело — майор Ермаков.

- Ты, Май, с гражданки, и подхода к людям у тебя ещё нет. Ты скажи мне, что нужно, а я людей озадачу, и будет всё по-путю. Ну, давай!
- Поглубже бы копать, товарищ майор. Положено один метр двадцать сантиметров, ну хотя бы метр. И чтоб инструмент не бросали в лесу: я ж не рассчитаюсь...
- Во! Другое дело! Я с людьми поговорю и будет порядок!

На следующее утро завтракаю в вагончике, а рядом, на полянке, майор, стоя перед строем, ставит задачу:

 Скоты! Пьянь вшивая! Чурки берёзовые! Опять, сволочи, лопаты похоронили, вашу мать! Гляди у меня — кто норму не сделает, жратвы не получит и ночевать останется в лесу! Метр вам глубоко? А в болото по уши не хотите, как на третьем районе?! У-у, мерзавцы! Вам Родина святое дело доверила — траншеи рыть, так что ройте, вашу мать, и норму давайте, если хотите до дембеля дожить!! Напра-а-а-во! По объектам — шаго-о-ом...

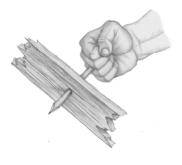
— Так, Май, ты это... Я с людьми поговорил, я их озадачил, всё в порядке, а ты мне дай Масиевича с МАЗом: будем рыбалку готовить — люблю я, понимаешь... Ну пока! Путёвочку Масиевичу подпиши... ага!

Ψοκyc

Когда я был в военной службе и носил резиновые сапоги на ногах и по две звездочки на погонах, начальником растворного узла был у нас «гражданский» Пу-

хов. Он проделывал такую штуку: зажимал в голой ладони 100-мм гвоздь и пробивал им — без молотка — дюймовую доску насквозь!

Ну и хули? Раствор отпускали говённый и всегда недоливали.

Карьера и любовь

Мой сослуживец и друг Махмуд — курд из Армении. Высокий, стройный, красивый, в сшитой в ателье форме — он нравился женщинам. Гарнизонные дамы звали его между собой Голенищем, посмеивались над ним, но были очарованы гордым профилем, волнистыми волосами и спокойными, уверенными движениями. И не только они. Стайки ткачих приезжали по выходным аж из Вышнего Волочка в надежде потанцевать с ним в Доме Офицеров.

Махмуд говорил мало, но весомо. Ну, скажем:

- Махмуд, что это было вчера в Доме Офицеров?
- А! Ален Делон пришёл на танцы.
- А драка?
- Девчонки спорили, чья очередь со мной танцевать.
- Что ж ты их не разнял? Ребята видели клочья волос, платье чьё-то...
- Я не знал, чья очередь. Решил, пусть сами разбираются.

Поклонение женщин не удивляло горца из Еревана: он принимал его как должное. Махмуд был холост, русских девушек невестами не считал, в отношения вступал легко, но ненадолго.

И тут появилась в его жизни Наташа. Она была женой командира полка и работала в кафе официанткой.

Тех, кто жил в военных городках, такое не удивит: работы для женщин мало, сидеть дома скучно. Мужикам что — беготня в будни днём, бильярд и картишки по вечерам, рыбалка и охота по выходным, а чем занять себя молодой бездетной женщине? Кружок

кройки и шитья, библиотека, а вечером кино. В городке даже телевидения не было.

Не скажу, что Наташа влюбилась в Махмуда от скуки. Просто в него нельзя было не влюбиться! Он был такой красивый, такой гордый. Какой там Делон? Делона и в расположение не пустили бы!

И выстроился в военном городке стандартный треугольник: муж, жена, любовник.

Махмуд любил Наташу пылко, но умыкать её по окончании службы (он был двухгодичником) не помышлял.

Наташа любила Махмуда без памяти, но статус командирской жены терять не собиралась.

А комполка уже и не знал, любит ли он Наташу. Он метил на замкомдива, рога могли помешать ему в выполнении поставленной боевой задачи.

Подполковник провёл с женой беседу, но она отнеслась к его словам несерьёзно; он даже замахнулся было — и тут же получил по морде. И что делать? В парторганизацию обратиться нельзя: Наташа в партии не состояла. Развестись — конец карьере. Уйти в запой? Плохо вы об офицерах думаете.

Командир пригласил к себе домой своего заместителя по тылу — посоветоваться. Зам, будучи по возрасту старше командира, пользовался его полным доверием, и командир всегда обращался к нему на «вы», а вне службы звал Рувимом Игелевичем.

Заместитель предложил странный, на командир-

ский взгляд, план, но за те шесть лет, что они работали вместе, это был не первый предложенный замом странный план, и ни один не дал осечки. По результатам дивизионного смотра комполка наградил Махмуда путёвкой в санаторий для комсостава в Крыму. Вторую путёвку в тот же санаторий и на тот же срок он устроил своей Наташе.

Влюблённые уехали вместе, а вернулись порознь. Любовь прошла, и в городке стало одним треугольником меньше.

Комполка мог не отвлекаться на личные дела и решительно двинулся вперёд к цели.

Наташа заскучала, но скоро в дивизии появился высокий блондин с бездонными голубыми глазами, переведенный с понижением в должности из другой части за бытовое разложение и приходивший в её кафе всё чаще...

Зам по тылу переехал из двухкомнатного трамвайчика в полногабаритную трёхкомнатную.

Махмуд потерял интерес к танцам. Вышневолоцкие девчонки дрались уже прямо под окнами офицерского общежития.

3azagka

Когда я был в военной службе, был у меня начальник — лейтенант Лазутин. Ростом мал, сложением хил, здоровьем слаб, глаза у него слезились, нос хлюпал...

И всегда он находился где-то далеко: на КМТС, на кирпичном заводе, в ОКСе и т.д. Впрочем, начальство его и не искало.

В быту Володя Лазутин был прост — алкаш. Много на его 65 кг веса не нужно, пил он самый дешевый портвейн, и запросы его полностью удовлетворялись. Пьяницей была и жена его, нормировщица Галя.

А вот дальше мне непонятно. Если у мужа и жены так много общего и Его единственную слабость Она

целиком и полностью разделяет, если Ей нет нужды пилить его и ругать, что «всё пропивает, глаза залил — и спит, кроме вина ничего его не интересует, другие вон...», то должна ж была быть в их маленькой семье гармония? Сели после работы за стол, вмазали по огнетушителю портвяги — и пойте песни, так?! Нет, они

сядут, глушанут, потом — дерутся! Она сильнее и всегда побеждает, а он своих синяков стесняется и — то «на базе», то «у заказчиков»... И всегда он грустный, хотя портвейну навалом!

Не понимаю я...

Пожар

Каждое утро прохожу мимо пожарной части. Два огромных красных автомобиля стоят перед гаражом, уже вымытые, натёртые воском вручную, тряпочкой. Выкатывают из гаража и вкатывают машины обратно тоже вручную: чтоб «не расходовать моторы». Распоряжается работами толстый красномордый старшина с будённовскими усами. Он бы и так гонял своих военных, а тут ещё пожарка стоит на основной дороге, на виду у начальства, и он проявляет дореволюционное рвение. Результат налицо: сияют и машины, и лестницы, и гараж, и площадка перед гаражом.

Когда загорелась столярная мастерская, я было смотреть не пошёл: она была рядом с пожарным депо — пара минут работы. Но мои солдатики все перекочевали на крышу столовой: развлекуха — и я тоже полез. Это было красиво! Бойко горела столярка, окна и крыши казарм были заполнены рядовым и сержантским составом, на главной сцене выступали пожарные.

Ребята действовали быстро и решительно.

Сначала обе машины, глуша сиренами, рванулись вправо, хотя горело слева.

- C флангов заходят? спросил я.
- За водой они. Их запас весь на мойку ушёл, ответил бывалый мастер Чернышёв.

Справа вновь появились машины и ринулись в сторону огня. Красные на унылом фоне казарм, сверкающие, гремящие сиренами машины предвещали огню немедленную гибель.

— Без воды они, — подал голос Чернышёв, — слишком уж быстро идут.

Машины, не притормаживая, промчались мимо пожара влево и укатили так далеко, что сирен не стало слышно.

— На озеро погнали, — объяснил грамотный Чернышёв.

Вскоре одна машина вернулась и, опять проскочив мимо горящей мастерской, умчалась вправо и куда-то тоже очень далеко.

- Воды в озере не было? предположил я.
- Нет, у них шланги нет такой длинной, а к озеру близко не подъедешь: там топко. Они теперь на станцию рванули: у «железных» всегда вода есть.
  - A вторая машина что с тылу зайдёт?
- Това-а-арищ лейтенант! Это же ясно: у той бензин кончился. У старшины «Москвич» простое дело...

Вернулась машина, погнавшая на станцию — види-

мо, с водой. Выйдя на боевую позицию, ребята в касках быстро раскатали рукав, выпустили лестницу, подались вперёд...

Насос не качал. Да и сгорело уже всё к чёртовой матери.

Ралдугин

В штабе, о чём ни спроси, отвечали: «Узнай у Ралдугина», «Ралдугин должен знать», «Ралдугин сделает». Всезнающий Ралдугин оказался не бывалым старлеем, а стройным ефрейтором срочной службы. Он умел печатать на машинке, чертить и красиво оформлять документы — и фактически руководил всей канцелярской работой штаба, выполняя часть обязанностей начальников отделов и их заместителей; держался с достоинством и незаменимостью своей гордился. Для удобства (и своего, и начальства) он и жил в штабе, куда ему и телефонистам приносили еду.

Ралдугин делал так много нужной чужой работы, что его не отвлекали пустяками и не ругали, когда он ошибался. Вернее, ругали один раз и очень сильно, но он уже в это время демобилизовался и уехал.

Оказалось, что он подделывал увольнительные записки, рассылал знакомым в другие части отпускные документы, подписывал и ставил печати на фальшивые путевые листы водителям и на транспортные накладные — складским, сводил людей, желавших дёшево купить кирпич и рубероид, с кладовщиками на базе и т.п. Его сильно ругали и поминали недобро, но поскольку он делал все эти махинации не из подлости, а чтобы заработать, то он был своим и понятным, и ругали его, кажется, всего один день.

Сон

Когда я был в военной службе, часто мучал меня сон: стою я будто среди «товарищей офицеров», участвую в оживленной беседе и вдруг замечаю, что все вокруг одеты в полевую форму Советской Армии, а на мне — белый китель, и на нём — «US Army». Никто пока не обращает на это внимания, но ведь заметят же! Ни отойти мне, ни замолчать... и стою я среди капитанов и лейтенантов дурак дураком, болтаю, чувствую жуткий холод и от холода просыпаюсь. Ни хера у нас в бараках не топили!

Случай на площадке 5А

При навеске двухстворчатых ворот, чтобы они действительно закрывались, применяется такой способ: обе створки сначала кладутся рядом на плоском месте, выравниваются, чтобы щель между ними была нужной ширины, створки — в одной плоскости, а верх и низ совпадали. Потом створки свариваются вместе, поднимаются вертикально, выравниваются в проёме и привариваются к обрамлению. Потом ставятся петли, и только после этого створки отрезаются одна от другой, и всё получается ровно и красиво.

На площадке 5А, где я строил гараж, хранились

ядерные боеголовки к нашим ракетам. Секретность и строгость — чрезвычайные. При входе пропуск не только проверялся, но и отбирался, а взамен вручался другой, который нужно было предъявить на следующем КПП. Правда, мой грузовик впускали, проверив только пропуск водителя: ни пассажир, ни груз, ни путевой лист проверке не подвергались... На боевые позиции головки перевозились крытыми фургонами, вроде хлебных. Внутри машины находился собственный стрелочный подъёмник. На случай отказа на площадке имелся автокран МАЗ, а для полной страховки — и второй. Содержались краны в чистоте и блеске, как и положено в армии. А наша строительная техника выглядела убого: всё бито-гнуто, подварено-подвязано. При этом крана у меня не было.

Каждый день в течение месяца я заказывал автокран, чтобы навесить на гараж ворота — шесть пар огромных створок по полторы тонны пара. Кран не появлялся.

Тогда я обратился к начальнику хранилища, полковнику: «Выручите, одолжите, в ваших же интересах, что с ним случится, полторы тонны — пустяк для МАЗа»... И уговорил: им таки нужен был этот гараж.

В назначенный для навески день собралось много зрителей. Выкатился автокран — новенький, сияющий, с выдвижной стрелой, гидравлическими опорами... Ворота зацепили, подняли до вертикального положения, а дальше вверх они почему-то не пошли, хотя мотор

гудел и лебёдка вращалась. Мне это всё не понравилось, и, вспомнив, кто начальник по воротам, я командирским голосом подал неуставную команду: «Атас!» Народ отбежал в сторону, а ворота, упираясь в бетон одним углом, стали поворачиваться, дрожать, издавать скрип и скрежет... Сила тяжести победила. С грохотом ворота обрушились на бетон, на них бесшумно упал, смотавшись со всех блоков, трос: он не был закреплён на барабане лебёдки.

Я в шоке молчал, молчали все вокруг. Потом ракетный полковник скомандовал: «Давай второй!» Подъехал запасной МАЗ. С ним дело было проще. У крана сразу заклинило стрелу: она не выдвинулась в рабочее положение. Ещё хуже было то, что она не задвигалась обратно. Стало совсем тихо. Отошли в сторону и деликатно закурили строители. Вспомнив одновременно о делах, ушли артиллерийские офицеры. Водители откатили автокраны к своему гаражу. Начальник хранилища обвёл территорию мутным взглядом и пошёл к зданию штаба. Пришла машина, увезла моих работников. Стемнело. Я вышел за КПП, решив дожидаться своей машины вне площадки 5А. Рядом ожидали своего автобуса ракетные офицеры. Никто не обсуждал происшествие.

Вообще-то, никто о нём никогда не упомянул, но назавтра вдруг пришёл заказанный мною автокран, и все ворота были навешены за один день.

А если бы поднимали не ворота?

Mogapok

Ресторан «Сокол» располагался рядом с военным городком. Ни хорошей кухней, ни богатым погребом «Сокол» не славился, назывался в обиходе «Стервятник», но по вечерам был полон, потому что ближайший конкурент находился в 30 км и был ещё хуже.

У меня с «Соколом» отношения были особые, интимные. Я ходил туда обедать, и постепенно кухня в ресторане оделась в керамическую плитку, в туалетах заблестела чешская сантехника и к крыльцу была проложена не предусмотренная сметой бетонная дорожка. Должность прораба довольно собачья, но и в ней есть свои преимущества. Для себя я со строек и кирпича не украл, но ресторану и детскому саду помогал. (Чтоб покончить с этой темой, скажу, что дивизию потом сильно сократили, пусковые шахты, нами понастроенные, завалили грунтом, ракеты уничтожили, а «Сокол» так и стоит при большой дороге, снабжая проезжающих калориями и градусами.)

Хорошие отношения были у меня не только с рестораном, но и с сослуживцами моего ранга. Не было проблем и с солдатиками, а вот с командованием отношения не сложились: я не играл в «ты начальник, я — дурак».

Особенно невзлюбил меня командир части Рожнин — за то, что я «умничал». Прижать меня ему было не-

чем: в армии я был человеком временным, и карьера меня не интересовала, а в ответ на «Я вам приказываю!» я доставал Строительные Нормы и просил приказ в письменной форме. Где мог, он мне мстил: то в отпуск не отпустит, то объявит выговор за отсутствие наглядной агитации, то запретит подрабатывать в ресторанном оркестре — сволочь, одним словом!

Но, впрочем, песня не о нём, а о моём 24-м дне рождения.

В тот февральский вечер я пригласил друзей, и была «у нас компания весёлая, большая — приготовьте нам отдельный кабинет!» (©).

Кабинет приготовили: в «Соколе» был банкетный зал. Подарков в этот день я не ожидал: договорились, что я сделаю стол, а господа офицеры принесут водку.

День рождения удался: кавказские товарищи провозглашали замысловатые тосты, официантки приносили довольно свежую еду, водка делала своё весёлое дело, музыкальный автомат гремел, а главное — мы все были молоды, и нам чёрт был не брат.

Иногда из общего в банкетный зал заглядывал какой-нибудь майор, уже полчаса ожидающий свой шницель, поглазеть, кто ж тут гуляет, но до драки дело не доходило, и мы отлично посидели.

Потом, сытые и пьяные, мы шли по военному городку, наслаждаясь снежком и морозцем и расползаясь постепенно по своим баракам.

Дома было холодно и неуютно. Я включил «козла»

(нелегальный электрообогреватель) и лёг спать.

Через час меня разбудил настойчивый стук в дверь. Вежливый старлей с малиновыми петлицами любезно пригласил проследовать с ним. Наличие двух автоматчиков делало его приглашение очень убедительным. Вопросов я не задавал: ещё пришьют сопротивление при аресте — оделся и поехал на газике военной прокуратуры по тем же улицам, по которым всего час назад шёл свободным человеком.

В прокуратуре майор долго расспрашивал меня о том, как я живу, доволен ли бытовыми условиями, как жена и сын, и, полностью усыпив мою бдительность, неожиданно спросил:

- Где вы были вчера вечером с 21:00 до 22:00? Честно и чётко, как подобает офицеру, я ответил:
- С 19:00 до 23:00 я находился в банкетном зале ресторана «Сокол».
  - Вы не отлучались из ресторана?
  - Никак нет!
  - Кто может подтвердить ваши показания?
- Лейтенант Овсепян, капитан Занько, майор Малышев, лейтенант Толмачёв, Собачья Морда, виноват, гражданин Панченко, лейтенант Мансуров, капитан Кудрявцев, служащие ресторана Тома и Рая фамилий не знаю. Мы отмечали мой день рождения.
- День рождения, так, прове... А точно не отлучались? Или всё-таки отлучались на полчасика? Скажем, с 21:00 до 21:30?

В комнату заглянул малиновый полковник и поманил меня движением головы (похоже, из-за меня не спала вся военная юстиция). Я прошёл с ним в его кабинет.

— Всё в порядке, лейтенант. Между нами: на вашего командира части подполковника Рожнина было совершено нападение у офицерской гостиницы: он получил телесные повреждения средней тяжести. Мы знаем, где и как вы проводили время, но подполковник показал на вас, и он очень настаивал, вот мы и оформили всё как положено. Подпишите показания и можете быть свободны. Вас отвезут домой — и с днем рождения, кстати!

Нагретая краденым электричеством квартира показалась мне очень милой, на душе было хорошо: свой подарок на день рождения я получил.

23 февраля

Хорошо кормили в офицерской столовой. За все два года, что я провёл в гарнизоне, от пищевого отравления никто не умер. Иногда даже бутерброды с красной икрой бывали.

В моей военной жизни эта столовая сыграла свою роль, показав Советскую Армию с неожиданной стороны.

Купил я себе в военторге шарфик. Серенький фор-

менный, но шерстяной — таких на складе не выдавали. Тёпленький такой. Зашёл в столовку, шарфик — в рукав, шинель — на крючок в вестибюле.

Поел. Одеваюсь — нет в рукаве шарфика. Что характерно — и на полу нет. У уборщицы спросил — она посмеялась: «Ты бы, лейтенант, ещё деньги в кармане оставил!»

Вы как хотите, а я не поверил. Пошёл в военторг, другой купил. Вернулся в столовку, разделся, шарфик — в рукав... Наблюдаю издалека. Человек шесть офицеров заходили, уходили, снимали шинели, надевали. Уборщица не показывалась, гражданских не было. Я взял свою шинель — нет шарфика.

Хоть бы, гады, свой старенький оставили взамен: форма ведь!

И не стройбат какой — Ракетные Войска Стратегического Назначения, Краснознамённая Дивизия, Ордена Ленина Военный Округ.

Поздравляю вас, господа офицеры, с праздником!

Доктора́

Пациентка— пожилой регистраторше:
— Запишите меня к хорошему врачу,
только не к еврею.
— Деточка! Ну где же я вам возьму
хорошего врача-нееврея?!

Да, о медицине. Но не о нынешней, которая достигла огромных успехов и которую все ругают, а о той, что была «в раньшее время», когда врачи ходили по домам и лечили людей, а не болезни.

Когда я в детстве заболевал, к нам приходила участковый детский доктор Фильштинская. Она была строгой, все болезни её боялись. Потом я из неё вырос. Мне бы руки ей целовать, а я ничего о ней не знаю, даже имени-отчества*. Просто «доктор».

Доктор Меселевский, осмотрев больного ребёнка и выписав лекарства, просил подать телефонный справочник. Он вставлял его в форточку, чтобы она не закрывалась, и приговаривал: «Аэгааация. Пготооочный воооздух!» И дети выздоравливали.

Когда моя будущая тёща родила своего единственного ребёнка, она не очень знала, как с ним обращаться, и её всё пугало. Для того, чтобы убедиться, что с ребёнком всё в порядке, был приглашён известный в Харькове педиатр Гильман.

- Доктор, это ничего, что она ножки к животу тянет?
  - Ничего.
  - А вот животик вроде красный...
  - Вполне хороший животик.
  - A вот тут, под глазами не жёлтое?

Доктор помолчал и сказал:

— Мадам, я вам ручаюсь за ребёнка!

Вы знаете врача, который возьмёт на себя ответственность сказать такое сегодня?

Анализ

Галочка закончила пединститут и стала учительницей младших классов, но никто, кроме её первоклашек, не называл её Галиной Владимировной — так она была молода и наивна. Она очень старалась, и дети полюбили её, а она — их.

С детьми ей было легко, но школа — это не только дети. Вот, например, завуч велела собрать в классах кал на анализ. Галочка никак не могла решить, как же сказать об этом детям, и в её головке, вытесняя всё остальное, постоянно крутились мысли о... ну, об этом.

Галочка купила двадцать пять коробков спичек, наклеила на них бумажки с фамилиями учеников, спички

^{*}Благодаря социальным сетям теперь знаю: Фильштинская Эсфирь Анисимовна. Светлая ей память!

выбросила и, собрав свой стул за два дня, все коробочки заполнила и отнесла в школу.

Результаты анализа стоили его содержания: в кале троих детей были найдены яйца глист.

Женское

Жили-были две подруги — Веруша и Любаня. Вместе росли, в одном классе учились, обе соблюли себя до брака, в одно время вышли замуж и нарожали по два ребёнка. Продолжая дружить, они вместе ездили в отпуск, вместе — в Москву за покупками, одновременно затевали ремонт и одновременно залетали. Детей они больше не хотели и на аборт тоже ходили вместе — к одной и той же знакомой врачихе, которой платили за местный наркоз (в государственной больнице абортичкам наркоз не полагался). Так было раз, другой, третий...

Но вот у Любани очередной аборт, а у Веруши — всё, как по часам. Через год Любаня опять залетела, и Веруша даже прочитала ей нотацию:

— Слушай, так нельзя! Предохраняться надо! Я своему теперь не даю без этого. Мы уже не девочки, надо и о здоровье подумать!

Любаня с доводами соглашалась, но, будучи женщиной безалаберной, никакие правила соблюдать не умела и всё подхватывала и прерывала — раз, ещё раз и ещё... Веруша же проблем не имела и уже лет восемь к гинекологу не ходила.

И вдруг у Веруши начались непонятки. Она сразу заподозрила рак, записалась к врачу и предупредила дочку-подростка, чтобы та после её смерти забрала себе оба её кольца и золотую цепочку с кулоном, а то достанется какой-нибудь бляди, на которой женится отец.

В кабинет гинеколога подружки зашли вместе. Врач была им незнакома. Она выслушала Верушины предположения и уложила её в кресло.

- И давно у вас эта спираль?
- Какая спираль? Нет у меня никакой спирали!
- А вот эта! Гинекологиня выпрямилась, держа пинцет, с которого что-то свисало. Веруша в полном недоумении посмотрела на Любаню, а врач задала наводящий вопрос:
  - Когда вы последний раз были у гинеколога?
  - Восемь лет назад, когда мне делали аборт.

— Вероятно, тогда же вам и поставили спираль: ее обычно ставят по просьбе пациентки сразу после аборта. Ничего страшного: я вам выпишу лекарство, за неделю всё пройдёт.

По дороге домой Люба сказала:

- А бабу жалко: заплатила и небось подзалетела.
- Это что! сказала Веруша. Я тебе не рассказывала лет пять назад была я в командировке с коллегой, который мне нравился. Мы жили в одной гостинице, и никто бы никогда ничего не узнал... Только побоялась я забеременеть и дверь не открыла.
- Ну и дура, сказала Любаня, и убей меня Б-г, если я знаю, что она имела в виду.

Диагноз

Мне было плохо: слабость, как после болезни, а может, от болезни. Я ходил к докторам, к специалистам, но никто не поставил мне диагноз.

Тёщина подруга Нарочка, преподаватель мединститута, устроила мне приватный визит к знакомому профессору.

Профессор был моих лет, на приветствие ответил кивком, уточнил, от кого я, и без интереса выслушал мои жалобы, реагируя на них короткими репликами.

- Понимаете, доктор - слабость, иногда ходить не могу, ложусь на пол, встать нет сил.

- Это бывает. У меня у самого слабость.
- В голове туман, не помню ничего, даже того, что случилось пять минут назад.
  - Да, конечно, я тоже ничего не помню...
- Поднимаюсь по лестнице на один этаж, и пульс подскакивает до 90.
  - Что вы хотите, ведь вам уже сорок лет.
- Сплю три-четыре часа в сутки, а потом весь день хожу сонный.
- Скажите ещё, что у вас болит поясница, и будет ровно то же, что и у меня.
  - Болит...
  - Да, лечиться, конечно, нужно...

Профессор надолго замолчал, и я почувствовал себя в кабинете лишним. Положил на стол четвертную и ушёл.

Нарочка позвонила через день, я рассказал о визите, обозвав профессора «жопой».

— Нет, он правда был хорошим врачом, — сказала Нарочка. Вчера умер. Ни с того ни с сего, такой молодой...

Диагноз мне поставили только через пять лет уже в Америке. Вылечить — не вылечили, но уже двадцать пять лет поддерживают. Американский доктор, поставивший мне диагноз, тоже умер. Не везёт им со мной.

Успехи отечественной медицины

Позвонила сестра Юля: папа совсем плох — приезжай. Наташа взяла на работе отпуск и поехала в Винницу.

Было поразительно, насколько изменилась сестра за те два месяца, что они не виделись. Полтора года, пока отец был прикован к постели, Юля держалась, а теперь из неё словно вытекла жизнь.

Все хлопоты по похоронам Наташа взяла на себя. Юля молчала, не отвечая даже на соболезнования.

После поминок Наташа убрала ширму, вынесла с Юлиным мужем на мусорку матрац, выбросила оставшиеся лекарства и вымыла пол, а Юля легла на диван лицом к стене и перестала двигаться.

Вызвали участкового врача, та выписала больничный и направление к психиатру, а он поставил диагноз: реактивная депрессия.

Наташа купила продукты, наготовила еды и заполнила холодильник.

Вернувшись на работу, Наташа рассказала коллегам по ФТИНТу* о болезни сестры. Кто-то вспомнил, что институт криобиологии, входивший во ФТИНТ, изучает возможности лечения психических заболеваний охлаждением головного мозга. Наташа немедлено занесла сестру в список добровольцев, готовых испытать краниоцеребральную гипотермию (КЦГ) на

себе.

Уговорить Юлю поехать в Харьков оказалось несложно: ей было всё равно — и муж посадил её в поезд, и Наташа встретила Юлю на вокзале. Процедура была назначена на следующий день.

Юлю уложили в кресло, надели на голову шлем и дали наркоз. Она заснула, после чего ей начали охлаждать головной мозг. В течение трёх часов температуру снизили до 32 градусов Цельсия и за такое же время вернули к нормальной.

Когда Юля очнулась, Наташа отвезла её домой и уложила спать. Проснулась Юля бодрой, умылась, с аппетитом позавтракала. Попросила у Наташи помаду и накрасила губы. Днём сёстры прошлись по магазинам — по Юлиной просьбе! На следующий день вновь ожившая Юля уехала, а ещё через день вышла на работу. Случилось всё это в 1986 году.

Узнав от Наташи эту историю, моя жена тут же пересказала её мне: у моего папы была болезнь Паркинсона. Было известно, что болезнь неизлечима.

Я спросил папу, слышал ли он о применении гипотермии.

 Слышал. Петю Куренко, наездника с ипподрома, вылечили от Паркинсонизма замораживанием головы.

Петю я помнил — подняв полный стакан водки, он истово произносил: «Боже, обрати водку в спирт!»

Медкабинет

- Кардинально вылечили? Насовсем?
- Все симптомы исчезли.
- И как он сейчас?
- Никак. Его уже нет.
- А сколько времени он прожил после процедуры?
- Неделю. Он отпраздновал это дело с друзьями, и один из них проломил ему бутылкой голову.

 $^{^*}$ ФТИНТ — Физико-технический институт низких температур АН УССР

Музыкальная история

Была у меня, 21-летнего, подружка. И ходили мы с ней к её друзьям-подругам. Я — где чаю попью, где ножкой шаркну, где спрошу, не возражает ли хозяйка, если я вздремну полчасика...

Вот были мы, например, у Иры. Девушка она вся из себя образованная, румяная, манерная, непричёсанная, с усами. Подруги о своих знакомых рассуждают, коих я знать не знаю, а я так сижу. Хотел музыку послушать, ан нет — проигрыватель давно не работает. А можно я посмотрю? Можно.

Раскрыл я его ножом, увидел, что резистор смещения на катоде сгорел. Из сглаживающего фильтра на блоке питания не сильно важный резистор выломал и гвоздём, раскалённым на газовой плите, вместо сгоревшего впаял.

Собрал проигрыватель, пластинку поставил — играет. Тут и прощаться пора.

Через какое-то время спросил подругу:

- Ну как Ира?
- Я с ней разругалась.
- Из-за кроя рукавчиков или из-за теории графов?
- Она сказала, что ты уж очень простой.
- Hy, из-за меня не стоило...
- Не из-за тебя. Просто я вдруг поняла, что она

круглая дура! Как я этого раньше не видела? Месяца через три мы поженились.

Дорогой Анатолий Павлович

«Дорогой Анатолий Павлович» — так его звали. Маленький и широкий («крэмэзный»), он был мастером спорта СССР по четырём видам, работал тренером по акробатике в детской секции и пел тенором в кафедральном Соборе Благовещения Пресвятой Богородицы.

Ученики называли его «дорогим» ещё до того, как этот титул прилип к Леониду Ильичу. Соседом Анатолий Павлович был весёлым, имел обыкновение расхаживать по квартире в розовых кальсонах и надолго запираться в уборной, где он распевался (Бри-брэ-брабро-бру, бри-брэ-бра-бро-бру... Прриве-е-ет тебе-е-е, прриют невинный!.. Марта, Ма-а-арта!!). Из родного Волчанска он привозил в нашу двухкомнатную коммуналку на Салтовке солёную капусту и брагу, из церкви приводил то сопрано, то контральто на ночь, загорал на крыше нашей девятиэтажки, стоя на руках на парапете и окликая проходящих внизу девушек: «А хочете, я одну ногу другой почухаю?»

Анатолий Павлович говорил детям: «Вот тебе сейчас девять лет, и ты уже делаешь три фляка*, сколько же фляков ты будешь делать, когда тебе будет девя-

носто?»

Делился мечтой – петь в опере.

Учил: «Хочешь испортить кому-нибудь жизнь — скажи, что у него есть голос. Зафанатируешь человека навсегда!» Звал меня петь в соборе, и однажды я пошёл с ним и впервые слушал службу и пение с балкона, расположенного прямо напротив иконостаса. Акустика была потрясающей, хор человек в двенадцать звучал, как стоголосый. Регент прослушал меня и сказал: «Приходи, будешь во вторых тенорах». Я был польщён, но не пошёл, полагая неуместным еврею петь в православном храме.

Когда приподнялся железный занавес и уехал в Израиль харьковский первый тенор Миша Щерб и ещё кто-то второй, сбылась Толина мечта: он стал солистом Харьковского академического театра оперы и балета имени Лысенко — нашей «держоперы». Он не лучший в мире тенор, но ни великий Энрико Карузо, ни Марио дель Монако, ни Пласидо Доминго ни за что не смогли бы появиться на сцене фляками, сделать в конце «дорожки» сальто и обратиться к полупустому залу с вопросом, на который нет ответа: «Кто может сравниться с Матильдой моей?»

^{*} Фляк - элемент спортивной акробатики, переворот назад, осуществляемый с толчка с ног.

И — oб uckyccmbe!

В опере я всегда чувствую себя не на своём месте: сидеть бы тут истинному любителю в ожидании верхнего Φ A, или даме в мехах и прическе, или консерваторке в мечтах о большой сцене — а сижу я, чуждый оперному синкретизму.

Либретто — убогие фабулы с фатальным концом («закалывает себя», «...и видит там убитую дочь», «в приступе ярости убивает Недду, а затем и бросившегося ей на помощь Сильвио»)... По мне, так опера состоит из речитатива, арии, драматической музыки, буфета...

На «Травиату» мы пошли, потому что главную партию пела Леночка — Цилечкина подружка ещё по хору Дворца Пионеров — с прекрасным сопрано, милая и грациозная, но нечасто допускаемая к главным партиям, потому что в театре были и другие солистки, пусть голосом и пожиже, но со званиями Народных и Заслуженных, члены парткома и худсовета, «ветераны, отдавшие театру...».

Билеты тогда стоили рубля три, но зал был заполнен едва ли на четверть. Своей компактностью выделялись три группы человек по 12-15. Когда после «Быть свободной, быть беспечной...» аплодисменты прозвучали из середины зала, где сидели и мы, а «Ты забыл край милый свой» вызвал овацию в передних

рядах, расстановка сил прояснилась, а уж крики «Браво!», последовавшие за неблагоприятным прогнозом доктора Гренвиля, окончательно показали, кто тут где: в первых рядах болели за баритона, подальше — за сопрано, а в ложах бенуара собрались поклонники баса.

Игранный-переигранный спектакль плавно катился от действия к действию через буфетные антракты. Буржуа массовки вели свой аморальный образ жизни, мельтеша по сцене в костюмах разных эпох (на всех фраков на напасёшься!), солисты блистали, чистенько пел хор, да и оркестр был на высоте: театр-то всё же академический (впрочем, от неакадемического отличался только размером зарплаты).

Всем было хорошо, я даже перестал бояться, что тенор, оставленный без поддержки зала, даст петуха, а то и потеряет свой не до конца ещё найденный голос. Уважая возложенную на них отсутствующими зрителями миссию, театралы дружно аплодировали уже всем: искусство брало своё! В сцене бала-маскарада среди нарочито оживленной беседы подвыпивших прожигателей жизни со сцены отчётливо прозвучало оперным голосом: «...к зиме переобуться, а зимней резины нет ни хера!».

К концу последнего, третьего, акта («Травиата» иногда ставится в четырёх) Виолетта была плоха и «Простите вы навеки, о счастии мечтанья...» пела, как принято, сидя (до первого использования пеницилли-

на оставалось ещё целых 88 лет). Допев, она в изнеможении сползла на пол, потащив за собой скатерть...

А вот этого как раз делать и не следовало: от тяжёлой плюшевой скатерти поднялся столб пыли, но какой столб! Мастерски подсвеченный художникомосветителем, он был зловещим, адово-красным, и всем стало ясно, чем вызвано у жертвы социального неравенства лёгочное заболевание.

Кашель героини вызвал радостный хохот одухотворённой буфетом части публики, неуместный в такой печальный момент, но в общем спектакль окончился хорошо; жаль только, что Виолеточка наша померла.

Мы подождали разгримировавшуюся и выздоровевшую примадонну и от души её поздравили-расцеловали: она на самом деле была очень хороша, да и Верди не подкачал.

Домой мы шли пешком. Был тихий и мягкий осенний вечер, но настроение после спектакля у меня было унылое. Вроде лично я ни в чём не был виноват: ни в бедности постановки, ни в отсутствии зрителей в академическом театре полуторамиллионного города, где одних студентов больше ста тысяч, но грызла меня тоска, не отпускала. Ну действительно, где её брать, резину — зимнюю или уж хоть какую?! Моя-то и после наварки уже лысая совсем, а тут — ноябрь, вот-вот снег выпадет! Да и денег на неё...

Домашний фольклор

В нашей семье, как и в вашей, в ходу выражения, услышанные однажды и навсегда вошедшие в домашний лексикон. Вот истории самых любимых.

«Я только помоюсь и уйду»

Если вы с рождения купались в ванне, то можете и не знать городского банного ритуала пятидесятых годов. Билетик в «общую» стоил 17 копеек. В предбаннике стояли ряды пронумерованных шкафчиков для одежды. На шкафчиках — соответственно пронумерованные шайки (тазики, заменяющие бедным ванну).

Оставив в шкафу одежду, клиент закрывал шкафчик на замок, отдавал ключ банщику и шёл с шайкой в помывочную. Там, окатив кипятком каменную лавку, садился на неё, намыливался, пользуясь водой из

шайки, оттирал себя мочалкой, потом шёл под душ.

Смыв первую грязь, многие отправлялись в парную, где охаживали себя берёзовым веником до полного счастья и, отсидев на полкЕ, шли опять под душ. Отмыв тело до блеска, возвращались в предбанник, показывали шайку банщику, и он открывал соответствующий шкафчик. Клиент одевался и расслабленной походкой шёл в вестибюль пить заслуженное пиво.

Однажды в субботу моя будущая тёща (МБТ) мылась в бане. Народу было много, и за шайкой пришлось отстоять в очереди добрых полчаса. Вернувшись после душа, МБТ обнаружила, что её шайка исчезла. Баба, утащившая её, мылась рядом и на возмущение МБТ, нимало не смутившись, сказала: «Я только помоюсь и уйду!»

Святая простота!

«Так сложились обстоятельства»

Пожилые люди иногда ведут себя... несколько не-

ожиданно. Во время визита невропатолога, моего друга, имеющего частную практику, дочь пациента рассказала, что папа накакал в носок и спрятал его под диваном в гостиной.

- Ефим Маркович, зачем вы это сделали?
- Так сложились обстоятельства...

«Якби не отой хворий»

Есть в Харькове дом, известный как «Артёма, 6». Когда-то населяли его директора больших научных институтов, действительные академики и член-корреспонденты, ректоры, редакторы и прочая интеллигенция. Дом стоит покоем, посредине скверик, квартиры пятикомнатные.

Состарился академик, слёг. Семья большая, все работают, учатся, а ему уход нужен. И чем дальше, тем нужнее. Решили нанять сиделку «с проживанием», но дело оказалось нелёгким. Замучались искать, а пока каждый с работы отпрашивается, лекции прогуливает, чтоб за папой, свёкром, дедом поухаживать.

На общем собрании постановили: планку снизить, зарплату поднять, условия создать такие, чтоб никто не отказался. Постарались: комнату выделили светлую, мебелью небедно обставили, кровать кружевным покрывалом накрыли и не зря — нашли-таки няню, строгую такую, степенную, велела звать Катериной. Насчёт оплаты договорились, о выходных и праздниках, об обязанностях: никакой кухни и магазинов, только уход — еду подогреть-подать, подушку поправить, утку вынести. Привезла Катерина на улицу Артё-

ма сундук и узлы, обосновалась.

Прошла неделя. Все вздохнули чуть свободнее. Но тут строгая Катерина сказала:

- Піду я від вас!
- Отчего же, Катерина? Обидел кто?!
- Ніхто мене не забіжав. Люди ви добрі, не можу скаржитися.
  - Еда не такая? Так мы бы...
  - І їжа смачна, і накладаєте досхочу́.
  - Так что же комната?!
- Ні. Кімна́та дуже га́рна! Така га́рна... Я б жила й жила... Якби не отой хворий.

«Чем же я mozga mopzobamь буду?»

Гуляем по базару. За отдельным столиком роскошная фигурой продавщица в грязном халате, резиновых рукавицах и ондатровой шапке продаёт селёдку иваси. Она открывает жестяные консервные банки, вываливает рыбу на лоток, потом взвешивает её на весах со стрелкой и называет покупателю цену.

В каждой банке два килограмма рыбы. Мы решаем взять целую банку— закрытую. Продавщица отказывается:

- Мы не продаём банками. Хотите два кило, я вам взвешу два кило.
  - Но почему? Ведь и так известно, что там два кило-

грамма. Вам же проще!

— Та вы шо? А чем же я тогда торговать буду?!

«Хорошо, что у меня нюх такой!»

В 1946-м году моя будущая тёща (МБТ) вышла замуж. Жизнь тогда была не так чтоб сильно сытной: ели серую лапшу с маргарином, мёрзлую картошку.

На Первое Мая приехала в гости свекровь. К празднику, сэкономив, купили на базаре курицу.

Свекровь, ясное дело, нашла в доме массу беспорядков и выговорила невестке всё, что положено.

МБТ, не уверенная в своих кулинарных способностях, предложила приготовить курицу свекрови, за что та и взялась с присущей ей энергией.

Когда МБТ вернулась с работы, в коммуналке стоял дым и удушающий запах горелого мяса.

— Я сварила прекрасный куриный бульон, но забыла выключить керосинку. Хорошо, что у меня нюх такой — мог бы и дом сгореть!

«Только без накипу»

Мою будущую тёщу (МБТ) посетила однажды свек-

ровь. МБТ приготовилась: выбила коврики, вычистила до блеска комнату, вымыла окно, повесила на стену свекровин портрет.

Приехав, свекровь ходила по комнате, заглядывала в шкаф, где нашла ровно сложенные полотенца и тщательно выглаженные рубашки сына — всё было в порядке. Потом она пошла на кухню и не нашла там ничего плохого, но тут она увидела чайник:

– У меня точно такой! Только без накипу.

«Чим жиденят годують»

Дочь украинского поэта Мыколы Ш. вышла замуж за еврея-одноклассника и родила сына. Дед во внуке души не чаял. Однажды он пришёл в местное отделение «Спілки Письменників України» и с блокнотом и карандашом в руках обратился к секретарше:

— Дора, скажи мені, чим жиденят годують? Бо моє нічого не їсть! Було б наше, я б знав — курку, молоко або яйця… Ти своє чим годуєш?

Дора, у которой был внук того же возраста, стала диктовать, Мыкола — записывать.

И всё наладилось. Мальчик кушал хорошо, вырос, уехал, получил американское гражданство, выучился на юриста и живёт в Германии. И не еврей он вовсе — мама-то украинка. А мы всё говорим при случае: «Чим жиденят годують?»

Счастливый Новый год

Ночевали мы в посёлке городского типа Кантемировка, известном по 4-й гвардейской танковой Кантемировской ордена Ленина Краснознамённой дивизии имени Ю.В. Андропова, постоянной участнице парадов в Москве. Вполне приличная гостиница, богатый книжный магазин, но слишком много цивилизации. Для работы нам нужны были сёла. Нам — это мне и моему подельщику Серёже.

Оставив тёплую гостиницу ранним утром, мы двинулись в глубинку. Минут сорок ехали под ярким солнцем, но потом стало ветрено, повалил снег, видимость упала, и колёса начали пробуксовывать. Серёжа вёл свою Ниву всё медленнее.

- Что делают, если застревают в такую погоду? спросил я.
- Гоняют двигатель вхолостую, ответил он, чтобы работала печка.
  - А когда закончится бензин?
  - Жгут шины, чтобы греться у костра.
  - A много у нас бензина? спросил я.

Мы развернулись и поехали обратно. Чем ближе к Кантемировке, тем спокойнее была погода, в посёлке даже снег не шёл. Нам повезло: наш номер в гостинице всё ещё был свободен. Мы сходили в кино, скупили все стоящие того книги и посидели в кафе.

На следующее утро были «мороз и солнце, день чудесный…». Видно, зря мы накануне струсили и вернулись.

Вскоре, однако, наше мнение изменилось: в кюветах вдоль дороги лежали на боку огромные трейлеры, оторвавшиеся прицепы, попадались и легковушки. Я вспомнил Репку. Тот и так вспоминался часто: «Посадил Дед Репку. Отсидел Репка, вышел и прибил Деда», но я вспомнил другую историю.

Петя Репка, «наборщик»* и «кидчик»**, закончил работу на Алтае (раскидал портреты, собрал деньги и набрал новые заказы). До Нового года оставалось четыре дня, и он спешил домой.

Железнодорожный вокзал был в двух часах езды автобусом. Оставалось проехать всего пару километров, когда началась метель***. Автобус застрял, потом заглох. Температура минус 20. Отопления в автобусе нет. Пассажиры (человек восемь, все местные) не волнуются: будет кто-нибудь проезжать и подберёт — но Репка уже настроился на поезд, который, хоть и тащился трое суток, всё же вёз к жене-детям, ванне, домашней еде и любимому детищу — автомобилю ВМW 1942 (!) года, ожидающему ремонта.

Расспросив пассажиров, любитель бумеров подхватил свои сумки, выпал из автобуса и пошёл пешком. Вскоре он пожалел о поспешном решении: ноги вязли в рыхлом снегу, обещанных ориентиров не было вид-

но, мело всё сильнее. Но часа через три тяжёлой борьбы Репка вышел-таки на станцию.

Дома Петя разобрался с работой, отъелся, отдохнул, наладил карбюратор и через полтора месяца оказался опять на Алтае-кормильце, где и узнал, что «его» автобус засыпало снегом по самую крышу, а водитель и пассажиры так и не получили помощи и замёрзли.

У нас же с Серёжей погода была прекрасной. Бульдозеры бодро расчищали дорогу и растаскивали перевёрнутые машины. Мы приняли ещё по крышечке коньяку и покатили навстречу новым приключениям.

Mpuzobop

Коля подъехал как мог близко, но расчищенная дорога закончилась. Владик вылез из Жигулей и стал обвешиваться сумками с камерами, вспышками, штативом и фоном. План на день был такой: Владик снимает детский сад, Коля отвозит меня в школу и едет в садик поменьше в соседнюю деревню. Закончив там, за-

^{*} Наборщик — участник фотобизнеса, ходящий по домам и набирающий маленькие чёрнобелые фотокарточки, из которых будут сделаны большие раскрашенные портреты

^{**} Кидчик — человек, развозящий готовую работу и собирающий деньги

^{***} Описание метели — см. Пушкин А.С., «Капитанская дочка»

езжает за мной, потом за Владиком, и мы едем обедать, гуляем по райцентру, отдыхаем в гостинице, а утром едем в соседний район, где уже договорено о сотрудничестве.

Владик сразу провалился в снег по пояс. Впереди виднелась протоптанная родителями тропа, но до неё нужно было ещё дойти. Маленький тощий Владик пробивал два шага, перебрасывал на метр вперёд бебехи и оглядывался на нас, сидящих в тепле. Тлела, видно, в нём надежда, что мы крикнем: «Да гори он огнём, тот детсад, иди, Влад, в машину!»

Владика было жалко, но мы преодолели длинную нелёгкую дорогу, имели приключение с милицией, чуть не разбились о брошенный поперёк дороги грузовик, унижались на заправках, рисковали здоровьем в общепите и теперь, имея договорённость о работе в трёх школах и пяти детских садах, отступать никак не могли. За деньгами мы приехали или где? Вся соль была в том, чтобы лихим налётом по непроходимым снегам обработать места, куда местные зимой не поедут.

Глядя на Владика, Коля докурил, бросил окурок в снег, сказал жёстко:

- Не боец! - и захлопнул дверцу.

На остановке (преса в двух действиях)

Действующие лица:

Фима Шойхман — харьковчанин, кандидат химических наук, фотограф, 35 лет.

Мотя — слесарь мехмастерских, 28 лет.

Хмара — кладовщик заготконторы, 54 года.

Водитель автобуса — голос за сценой.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Красноярский край, осень 1980 года. Просёлочная дорога. Конечная остановка автобуса — полуразвалившийся «павильон» со сломанной скамьёй.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Фима с двумя сумками в руках, нервно курит.

<u>Фима</u>: Двадцать минут до автобуса (отмахивается от комаров, не выпуская сумок из рук). Ну и местечко... а на кармане три тыщи. Скорее бы автобус...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К остановке подходят Мотя и Хмара. <u>Хмара</u>: Что, паря, не видать автобуса? Фима: A?! Чего?! Какого автобуса?!

Хмара: Ага. Подождём.

(Кивает Моте. Тот достаёт из кармана куртки початую бутылку, делает большой глоток, передаёт бутылку Хмаре. Хмара пьёт, вытирает горлышко рукавом телогрейки, протягивает бутылку Фиме).

<u>Хмара</u>: На, братан, погрейся! <u>Фима</u> (*нервно*): Что это?! **Мотя**: Магазинная, не боись!

<u>Фима</u> (в сторону): Ну и морды! Такие за одну куртку пырнут.

(Хмаре): Я не пью!

(В сторону): Валить надо, гори он огнём, этот автобус, через два часа следующий будет.

(Хмаре): Я отолью (быстро уходит с сумками направо).

<u>Хмара</u>: Знаешь, Мотя, он припезденный. (Передразнивая Фиму): «Что это?», «Я не пью.» Ты такое слышал? Пойдём на хуй отсюда, вдруг укусит! Бешенство — заразная болезнь, нам Сергеич рассказывал...

 $\underline{\text{Мотя}}$: Да? Тогда валим, ебал я эти развлечения. На последний рейс придём — через два часа. Пошли к магазину — там перекантуемся.

<u>Хмара</u>: Так вот, Сергеич говорил, у них в заготконторе...

Мотя и Хмара уходят влево. Затемнение.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Звук подъехавшего автобуса. Мотор чихает, стреляет и глохнет.

<u>Голос водителя</u>: Ну всё, пиздец! Приехали! (Торжественно): Внимание, граждане пассажиры! На сегодня автобусы кончились! Приходите завтра, всегда вам рады, попутного хуя вам навстречу!

Тишина.

Медленно гаснет свет.

Занавес.

Исполнение желаний

Мне было 26, я жил с женой, сыновьями и тремя соседями в двухкомнатной квартирке площадью 27 кв.м. на окраине Харькова. Державе до моих проблем дела не было, и я пытался решить квартирный вопрос переездом в провинцию. Комната в коммуналке на харьковской окраине в то время менялась на двухкомнатный трамвайчик в Донбассе.

Лариса работала на заводе нормировщицей, подрабатывала шитьём на дому, имела двух дочерей и невесёлые прогнозы на будущее. К ней ходил огромный грек — потомок тех греков, что Екатерина Великая пригласила из Эллады как ценный генофонд, наделив их землёй на юге Малороссии. (Мелитополь, Мариуполь — звенит звоночек? Архип Куинджи — вспомнили?) Грек был красив и нежен, но жениться не спешил.

Лариса надеялась устроить свою жизнь, поменяв трамвайные хоромы на Харьков, но боялась связанных с переездом хлопот.

Набравшись наглости, я наобещал белошвейке, что, переехав в Харьков, она выйдет замуж, получит изолированную квартиру, и у дочек появятся шансы на устройство их жизней. Переезд я брал на себя.

Лариса согласилась, обмен состоялся и вот что из этого вышло:

Грек поскучал, поскучал — да и женился на Ларисе. Лариса быстро родила греку грека, получив при этом статус многодетной матери и право на квартиру без очереди. Исполком быстро дал им две квартиры, т.к. к тому моменту старшая дочь вышла замуж и родила. Мои обменщики осчастливили и моих бывших соседей, расселившихся втроем на все необъятные 27 метров. Тринадцать счастливчиков! Ну, не чудо ли?!

Любовь в небольшом городе

Давным-давно, в молодые мои счастливые годы застоя, я жил в небольшом городе и работал фотографом на выездах от Фотографии № 5. Директор Фотографии Виталий Эдуардович был отцом семейства, красавцем, любителем и любимцем женщин и кандидатом химических наук. Фотографов у него было четверо: Вова, Ванёк, Валера, я.

В Фотографии №3, где директором был Василий Павлович, работала фотографом красавица Верочка. Она жила со своим директором, но не отказывала и многим другим.

***

Ванёк рассказал мне, что за пару лет до того, как я приехал в город, случилась у Верочки и Виталия Эдуардовича (Фотография №5) любовь. Оказавшись не у дел, Василий Павлович (Фотография №3) поскучал-по-

грустил да и накатал донос в партийную организацию быткомбината: моральное разложение и т. п. — примите меры. Результатом его эпистолярных усилий стало открытое партсобрание, на которое Виталий Эдуардович пришёл с женой Валей.

Всё шло как обычно: заклеймили клевретов, призвали к ответу израильскую военщину, нехорошими словами помянули военно-промышленный комплекс США и взяли повышенные социалистические обязательства. С персональным же делом директора Фотографии № 5 вышла полная лажа.

Началось с того, что жена Валя сказала, что Виталий её муж, а не парткомовский, с кем он спит — их семейное дело, и посторонним рыться в их простынях она не позволит. Растерявшийся от неожиданности секретарь постарался было дело замять и даже предложил ограничиться выговором без занесения, но тут взял слово сам Виталий Эдуардович и заявил, что признаёт свои ошибки, считает себя недостойным высокого звания коммуниста и выходит из рядов.

Размер скандала осознали и закалённые в борьбе с международной реакцией партийцы, и беспартийная масса. О моральном разложении забыли начисто. Виталия Эдуардовича уговаривали: с кем, мол, не случается. Предлагали даже премировать его как директора лучшей в городе Фотографии — всё тщетно. Секретарь парторганизации глотал таблетку за таблеткой... Но закончилось тем, что Виталий Эдуардович ПОЛОЖИЛ

ПАРТБИЛЕТ НА СТОЛ и покинул судилище под руку с солидарной супругой.

Секретарь не решился сдать партбилет отказника в горком, оставил его в своём партийном сейфе и продолжает платить за Виталия партвзносы.

Верочка вернулась к Василию Павловичу, но партсобрания ему не простила. «Мстя её была жестокой»: она «забросила свой чепец за мельницу» — и довольно далеко.

Василий Павлович хорошо зарабатывал на эмалевых фотографиях для могильных памятников, но созерцание лиц покойников и их родственников навсегда сделало его меланхоликом. (От Верочкиных дел он впал в депрессию и через четыре года помер от чегото желудочного. На эмали, сделанной фотографом Верочкой, он выглядел так, будто умер задолго до смерти.)

***

Фотограф Вова был франтом: носил полувоенный костюмчик с поясом, какие в 1934 году были в моде среди ответственных товарищей, и любил поговорить о культурном. Однажды он решил, что пришло его время, и пригласил Верочку к себе домой, где всё было приготовлено для соблазнения. Но более всего Вова надеялся сразить гостью пятью килограммами дефицитных мандаринов.

Верочка пришла. Соблазнять её не было нужды: уж раз пришла... Но Вова знал из книг, что надо именно соблазнять — он только не помнил как. Разгуливая по комнате в одних трусах, но так и не предложив раздеться даме, он всё совал ей мандарины и увлечённо рассказывал о том, какие они дорогие. Гостья же мандарины на дух не переносила и, не дождавшись от Вовы никаких действий, ушла. Огорчённый Вова съел разом все мандарины, от чего у него пошла по телу страшная сыпь, и слёг на целую неделю, до крови расчёсывая раны от неразделённой любви.

Но проходит всё, прошла и Вовина влюблённость. Он уехал в Шостку, встретил там славного парня, только что отслужившего срочную, и о девочках более не помышлял. Виталий Эдуардович переехал с семьёй в Братск, Ванёк удалился в родную деревню, я— в Америку, а Валера, отсидев два года и не найдя «в жизни счастья», покончил с собой. Верочка живёт и работает там же, замуж не вышла— и вряд ли кто-нибудь назовёт её сейчас красавицей. Разве что я.

Братство обрезанных

С Ваньком мы дружим 35 лет. Он живёт в Украине в селе Осиново. Говорил с ним по телефону. О том о сём.

- ...А в церковь ходишь?

- A чо мне там делать? Я ж мусульманин! - отшутился он.

Тут я и вспомнил время, когда одноклассник Серёжа познакомил меня с Майей — студенткой консерватории, девушкой красивой и замечательной, но для коротышки Серёжи слишком уж высокой.

Мы встретились, погуляли, посмотрели «Великолепную семёрку», поболтали о музыке. Я поразил её воображение тем, что легко определил её национальную принадлежность (татарка), озадачил тем, что не пытался её поцеловать, и добил замечательной своей фамилией. Афиша «Солист Майя Май» сияла в её раскосых глазах дважды-майским солнцем. Второкурсница и я — десятиклассник, выдававший себя за второкурсника — чем не пара?

Послушав её рассказ о строгом папе, после второго свидания я настоял на том, чтобы она познакомила меня с семьёй.

Папа оказался шеф-поваром большого ресторана с манерами мясника и ясным представлением о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Понятно было, что в случае чего он пропустит меня через мясорубку и скормит посетителям.

Славными были мама и две сестры-малышки. Я держался как мог солидно, и с папой мы поладили: домой — не позже 11, в остальном — он в моей порядочности не сомневается. И стал я женихом.

Вслух об этом не говорилось, но принимали как

своего и кормили хорошо. Как-то случилось мне с приятелем нажраться водки, и припёрся я к Майечке домой в жутком состоянии. Напоили настойкой чайного гриба и уложили спать, а потом никогда об этом не вспоминали. У них дома совсем не пили, но то, что я в нелёгкую минуту пришёл к ним, оценили положительно. С сестричками я подружился, с мамой обсуждал их будущее, а при случае сказал, что жениться второкурснику рано: учиться надо всерьёз, да и материальных проблем (жильё, да и просто деньги) мне пока не решить. Содержать Майечку так же, как её родители, я не смогу; ей пока дома лучше. Вот доучимся — поженимся, если родители одобрят. Это принималось с пониманием, но какие-то движения за моей спиной всё же происходили, и однажды я был приглашён на воскресный семейный обед.

За столом было человек двадцать близких родственников, а во главе сидела 96-летняя бабушка, доставленная чуть ли не из Казани и не говорившая порусски. Я вел себя хорошо: много ел, мало говорил, совсем не пил. После трапезы был представлен матриарху и имел с ней краткую беседу через переводчика.

На следующий день я узнал о решении ВАКа: меня утвердили! Бабушка сказала: еврей — это почти татарин!

Мы с тобой одной крови, Ванёк — ты и я!

Topog xuMukob

Год примерно1980-й.

Зашла моя жена к соседке под нами взять то ли соли, то ли стирального порошку, обменялась с хозяйкой парой слов, спросила:

- Чем это у тебя так пахнет из кухни?
- Как чем? Брагой пахнет, чем же ещё?
- **???**
- Да ладно, ты что не гонишь?
- Нет.

Пауза

— Так у вас вся зарплата на водку уходит?!

Свадьба в Малиновке

В посёлке городского типа Малиновка, где я фотографировал по субботам свадьбы, заведовала ЗАГСом приятнейшая Катерина Петровна. Я украшал её дом портретами внучат, она рекомендовала меня «брачующимся» — нам было хорошо.

Процедура свадьбы была и торжественной, и комичной: героев и статистов расставляли по чину, ритуал смахивал на церковный, разве что венцов не было да лики на стенах были в галстуках — Ленин, Андропов, Щербицкий.

Катерина Петровна восторженно и проникновенно распевала текст, надёрганный из старинного обряда и утверждённый где-то в верхах, щедро украшая его по ходу дела необходимыми замечаниями:

«Не впади, порошино, На весільну стежину, Де зійшлися дві долі в житті...

Де ж ви коврик кладете! Та шо ж вы такіє тупиє!»

И далее опять стихами с елеем в голосе:

«В ці хвилини святкові На яснім рушникові Вам єднатись навік, молоді!»

История прошлого мира

Невеста и жених, сваты и братья-сёстры были серьёзны, старались не напутать и соответствовать, а Катерина Петровна заклинала:

«Рубайте калину, Встеляйте стежину Молодій, молодому До їхнього дому!

Та зійдіть вже з коврику, заберіть його геть!»

Однажды женился мой знакомый, и я попросил:

- Катерина Петровна, сочетайте их без «порошины», поздравьте и всё, ладно?
- Та чого там, розумію, самій набридло, буде вам без «порошини»!

Ясное дело — поздравила, и душевно так, и, когда всё закончилось и гости стали целовать молодожёнов и хлопать их по плечам и спинам, вдруг проблеяла «Не впади, порошино»... и, выпучив глаза, развела руками.

Толстый Витя, 1979

Общего у нас с Витей — любовь к фотоаппаратам. Ходим друг к другу, перебираем сокровища, обсуждаем. Витёк — слесарь и может выточить шестеренку, намотать пружину и починить всё, что угодно. Он не толстый, скорее очень большой, весит 135 кг. Я был в его вотчине, в Яме: отец и мать — такие же огромные. И жена его Лида — большая и красивая.

Пообедали, курим на балконе. Витёк рассказывает о недавней поездке:

«Еду, а Жигуль всё время чиркает днищем по дороге. Почему — непонятно: сухо, колеи нет. Жалко машину. Сколько я в неё труда вложил: люблю, чтоб всё было сделано на совесть. И неприятно. Если что поломалось — пропал день, а может и влететь в копеечку.

Батька говорит:

- Чёй-то она как просела.
- Сам не могу понять, отвечаю, никогда такого не было. И идёт тяжело.
  - Может, колеса подкачать?
- Та не, проверял сегодня. Как по сердцу... Ну вот, опять чиркнула! Та что ж это, в самом деле?!»

Понимаешь, — объясняет он мне, — ещё хорошо, что я днище нержавейкой подварил, а то порвало бы всё. Тяжелый лист, конечно, зато навек! Я ж сначала достал один у электриков, упаковал, спрятал, а вынести не успел: нашла какая-то сволочь и спёрла! Воры народ...

Витёк продолжает:

- «Тут Лида с заднего сиденья:
- Ото ж не надо было кабана целого в багажник класть, могли и за два раза отвезти.
  - Если б кабан, говорит батька, зад бы просел,

а она всем днищем шкрябает. И сколько того кабана? Машина ж новая.

- А я говорила! - завела мать - Рази ж кто послушает? Говорила ведь!

А тут и Лидкина мать вступила:

- А чего машину два раза гонять?! Бензин, небось, не краденый.
- О, проснулись! каже батька. Ты, Витёк, это ехай помедленнее.
  - Та ото ж!»

To Icmbia Bums, 1999

Так вот — Витёк. Жили они с женой, поживали, да воспалился у Лиды жёлчный пузырь. Пришлось удалить.

Лидка похудела аж на 40 кг. Стала стройной, помолодела и — как с цепи баба сорвалась: и про возраст забыла, и про мужа, и про детей. Сошлась с начальником своего цеха и к нему переехала.

Остался Витёк с двумя дочками, потом ещё и с зятьями, а там и с внучками. Семья не распалась — всемером живут и отлично ладят, только Лидка выпала.

А тут бац — развалился Союз нерушимый, растащили родимый завод, и начцеха водит такси, а Витя гонит самогон.

Сам пьёт мало, а продукт его в городе считается лучшим, его многие предпочитают водке. Дело у Вити поставлено хорошо, он всегда всё хорошо делает.

Зятья его уважают, дочки любят, внучки обожают. Обида, конечно, осталась: за что она с ним так?! С другой стороны — и она, вроде, не виновата: всё пузырь этот жёлчный, будь он неладен!

Okkynahm

Однажды в Тарту на вокзале подобрал под лавкой кучку смятых пятёрок и трёшек. Рядом сидела девушка, и я протянул ей свою находку: «Ваши?»

Она взяла деньги, бросила их в сумку и сказала без малейшего намёка на благодарность: «Vene siga!»*

Скажу честно: растерялся. Никогда прежде меня русским не называли.

*vene siga — русская свинья (эст.)

В ожидании мусоровоза

Украина, Северодонецк, лето 1979 года, 6 часов вечера.

Четыре хозяйки, сдвинув помойные вёдра в сторону, сидят на лавочке у подъезда.

Валя:

- Девочки, среди нас хохлушек нет?

Все, в том числе и моя Циля, смотрят друг на друга и отрицательно качают головами.

Валя:

- Ой, девчонки, до чего ж я этих хохлов ненавижу!
- Та ты шо? У тебя ж Мыкола хохол!
- Та ото ж...

Русские женщины

Зима. Поздний вечер. Еду в холодном автобусе из Валдая в Ивантеево. На переднем сиденье спит пьяный. В глубине автобуса — четыре бабки в плюшевых жакетах и шерстяных платках. Все молчат.

Приехали. Выпадаем наружу. Водитель входит в са-

лон, пытается разбудить пьяного, потом берёт его и выбрасывает на рыхлый свежий снег. Бабульки недовольно ворчат, водитель отругивается: пьяный спит уже часов пять, откуда он — неизвестно, рейс последний, гараж закрыт, автобус будет стоять на улице, пьяный замёрзнет в его машине — оно ему надо?

Мне «оно» тоже не надо: я не ел с утра и ужасно устал. У меня забит ночлег в гостинице для колхозников, но случиться может всякое, не пришлось бы са-

мому ночевать на улице. Мужик замёрзнет — такая уж у него планида. Подхватываю сумки и иду в сторону базара.

Скрипят снегом четыре женщины. Они обшарили пьяного, нашли какой-то пропуск, подняли алкаша за руки за ноги и понесли, проваливаясь в глубоком снегу. Спасли ему жизнь... хоть на эту ночь.

Чего это я вспомнил об этом через тридцать лет? Совесть проснулась? Ой, не смешите — какая там у меня совесть...

Сухопутный матрос

Я сменил много профессий. Недолгое время даже был матросом. Воды в харьковских реках почти не было, но лодочная станция с десятком-другим маломерных судов — байдарок и академичек для спортсменов и прогулочных «гробов» для желающих просто покататься — была.

Туда я и пристроился «подвеской». Непонятно? Зарабатывал я тогда фотографией, то есть получением «нетрудовых доходов», а в трудовой книжке должна была иметься запись о «настоящей работе», иначе я считался бы тунеядцем, что сулило нехорошие последствия.

Работа моя состояла в том, чтобы каждый месяц по-

лучать в окошке аванс и получку и, оставив мелочь кассиру, заносить бумажные деньги в кабинет директора. Зарплата была мизерной, но все были в выигрыше.

Однажды меня пригласили в бухгалтерию. Контора спортобщества «Спартак», которому принадлежала водная станция, находилась в здании бывшей хоральной синагоги (архитекторы Гевирц, Фельдман и Пискунов, 1913 г.), а бухгалтерия — под одним из её боковых куполов, на высоте шестого-восьмого этажей. Главбух спросила, где я прописан, а потом вдруг зачиталась моими бумагами. Результатом её изысканий был вопрос:

- Вот вы, молодой, здоровый человек с высшим образованием, работаете матросом, получая 63 рубля в месяц. Вам не стыдно? (То есть: разведён, двое детей, специально нашёл такое место, чтобы меньше алиментов платить!)
- Ой, отвечаю, как вы правы! Ну что это за деньги, разве на них проживёшь? Вот если бы меня сделали старшим матросом, это было бы уже 74 рубля, совсем другое дело. Я бы раскладушку купил, а там и табуретку. 74 рубля, шутка сказать!

В то время я зарабатывал фотографированием детей примерно две тысячи рублей в месяц, что было в тринадцать раз больше моей прошлой зарплаты старшего инженера.

Печальная история

Москва, Каширское шоссе, Онкологический научный центр имени Н.Н. Блохина, конец семидесятых годов прошлого века, утро.

У подъезда — вереница чёрных «Чаек»: членов и кандидатов в члены Политбюро, секретарей ЦК КПСС и членов правительства привезли просраться.

Наши вожди, портреты которых мы носили на первомайской и октябрьской демонстрациях трудящихся, были дряхлыми старцами. Они вели сидячий образ жизни, много жрали и много пили, боялись и ненавидели друг друга, жили в состоянии постоянного стресса. В результате — хронические запоры, и без клизмы не обойтись.

Мучил партийное руководство и геморрой. От клизмы геморроидальные шишки часто вываливаются из кишки наружу, и их нужно вправлять обратно, что должен делать профессионал.

Лучшие проктологи страны работали в онкоцентре на Каширке, поэтому лучших людей государства, истинных слуг народа, по утрам привозили сюда на клизму и последующее вправление.

Процедура эта болезненная, и после неё полагается полежать пару часов, но пассажирам чёрных «Чаек» лежать было некогда. Они спешили в свои высокие ка-

бинеты и с болью в заду принимали исторические решения.

Решения становились законами. Принятые через жопу законы привели к тому, что одна шестая часть суши... Не мне вам рассказывать!

В одном подъезде

Михаил Дмитриевич Лоханцев, 43-х лет, женатый, отец восьмилетней дочери, член КПСС, был педофилом.

На заводе, где Миша работал инженером по технике безопасности, нимфеток не было, и счастье он на-

шёл по месту жительства, в своём же подъезде. Ленке, дочери механика-лифтёра Фили со второго этажа, было 12 лет, и Миша соблазнил невинное дитя мороженым, конфетами и мелкими денежными подачками, получив взамен право на фелляцию, более известную в России как минет.

Не знаю, где парочка устраивалась поболтать о мороженом, но однажды Филя застал их in flagrante delicto. Грубый мужлан (Филя весил килограммов 140) не понял и не принял высоких отношений. Он отослал Лен-

ку домой («Я с тобой, блядь, ещё поговорю!») и занялся Мишей. Через считанные секунды у Миши была сломана ключица и два ребра, клыки и жевалы распались на мелкие осколки, а мягкие части тела приобрели багровый цвет.

Покончив с воспитательной частью, Филя перешёл к формальной, пообещав сладострастцу в случае рецидива «выдать по полной».

Время и хороший уход залечили Мишины телесные раны, но душевные лечению не поддавались: он хотел Ленку сильнее, чем прежде. О, эта любовь! Вы знаете,

что она делает с человеком? Лишает его разума. Миша попался во второй раз!

Филя, человек грамотный (он отсидел два года за драку), знал, что, отдай он Мишу в руки правосудия, тот мог получить по статье 134, часть 2 до семи лет нелёгкой жизни (в лагерях 134-я непопулярна), но благородный отец победил в нём законопослушного гражданина. Он не повёл Мишу в милицию, а, оттащив того в подсобку, дал волю чувствам, а потом, бросив тело у подножия лестницы, пошёл по подъездам проверять работу лифтов.

Наткнувшиеся на Мишины останки соседи позвали вахтёра (мудрый шаг!), тот — управдома, и уже этот — милицию, прибывшую на место проинструктированной (дом принадлежал Облсовпрофу, где ничего «такого» случиться не могло).

По факту смерти гр. Лоханцева М.Д. было проведено дознание, причиной смерти был признан несчастный случай. Уголовное дело заведено не было.

Происшествие, конечно, взволновало весь дом и стало главной темой разговоров. Интересно, что все — от дворника Антона, отца десяти детей, проживавшего с ними и женой в комнатушке в полуподвале, до Героя Советского Союза Панчука, занимавшего с супругой трёхкомнатную квартиру на третьем этаже — знали, кто, почему и как положил конец неправедной Мишиной жизни, и все пришли к единому мнению: мраморной лестнице в подъезде уже сорок лет, ступеньки по-

выщербились, и просто удивительно, что мы все ещё не сломали ноги и не поразбивали головы!

Филя получил комнату побольше на пятом этаже — хорошими механиками не бросаются — и стал давать Ленке деньги на карманные расходы. Может, начни он это делать раньше, жил бы на четвертом Михаил Дмитриевич и сегодня, ласкал бы законную жену, воспитывал дочь и следил бы за своей техникой безопасности. Может быть...

Сказал своё слово и управдом — в подъезде появились рабочие и залатали несколько лестничных ступенек, но так плохо, что вскоре те опять рассыпались: большие начальники в подъезде не жили.

Спальный вагон

Людмила Михайловна, старший экономист, ехала в Москву утверждать сметы. Провожал муж Виталий. Довольный собой (по блату удалось достать для жены место в спальном вагоне), он внёс в вагон женину сумку и очень удивился: соседом Людмилы Михайловны по двухместному купе оказался мужчина.

Виталий знал из кинофильма «Загадочный пассажир», что билеты в двухместные купе людям разного пола, исключая женатые пары, не продаются, и растерялся. Потом он вспомнил, что фильм был польским, а то, что дозволено панам и паннам, не всегда доступно

«товарищам» (уже само слово «товарищ» не имело половых признаков).

Виталий обратился за помощью к проводнице и узнал, что «места нужно занимать согласно купленным билетам, а если кто-то хочет пересесть, нехай договаривается сам».

Договариваться, однако, было поздно: подошло время отправления, и Виталию пришлось выйти из вагона.

Людмила Михайловна взялась за дело сама. Она обошла все восемь купе — во всех оказались разнополые пары.

Людмила Михайловна вернулась в своё купе, вынула из сумки толстенную смету и стала делать вид, что читает, даже пометки делала. На самом деле она сильно боялась: чёрт её дёрнул надеть дорогие серёжки! Прячь не прячь, а сосед их видел и запросто может отобрать и выйти где-нибудь в Туле.

Впрочем, сосед вёл себя прилично: не флиртовал, не рассказывал анекдотов, вежливо предложил выпить и, когда Людмила Михайловна отказалась, не настаивал. Закусывая лимоном, в одиночку выпил бутылку коньяка «Белый аист» и стал рассказывать о себе. Людмила Михайловна слушала вполуха, но вдруг до неё начал доходить смысл того, о чём говорил сосед.

— Вот стоишь с ним, разговариваешь. Он боится, потеет: человек ведь, страшно ему. А я его ножиком

вот сюда, под ребро, и в глаза ему смотрю. А он - в мои. И будто ничего не произошло, а потом глаза его мутнеют как-то, а он стоит! Уже не видит, а смотрит. А я его легонько - пальчиком одним - в грудь толкну, и

он медленно так падает. Он живой ещё и, может, минут пять ещё живой, а уже и он и я знаем, что мёртвый.

Людмила Михайловна молчала. Пожелав спокойной ночи, сосед выключил в купе свет. Отчего-то Людмила Михайловна перестала его бояться, сняла серьги, засунула их в лифчик и уснула.

Проснулась она под поездное радио: «Поезд приближается к столице нашей родины, городу-герою Москве!» Достала серёжки, с удовольствием их надела. В купе кроме неё никого не было. Попутчик таки вышел где-нибудь в Туле.

Mecmb

Воскресный майский день. В троллейбус заходит пара: она (в нарядном платье и на каблуках) и он (в костюме, с явно непривычным для него галстуком). Женщина стремительно проходит по салону вперёд, бросая на ходу: «Ваня, пробей талончики!» — и садится у открытого окошка.

Ваня пробивает, подходит и садится рядом. Троллейбус трогается.

Через пару остановок входит контролёр.

– Билетики попрошу!

Ваня протягивает талончик, кондуктор пробивает его компостером и обращается к женщине:

Ваш талончик, пожалуйста!

- Так вот же товарищ вам предъявил.
- Товарищ предъявил свой талон ваш, пожалуйста!
  - Ваня, ты что один талон пробил?
  - Какой Ваня? Я Сергей...
  - Будем штраф платить?

Красная от стыда женщина роется в сумочке, дрожащей рукой протягивает контролёру трёшку и получает квитанцию. На остановке пара выходит.

— Ты что, с ума сошёл?! Так меня опозорить перед людьми! Я чуть сквозь землю не провалилась! Нашёл время для шуток!

Мужчина отпустил узел галстука:

Я у тебя утром просил на пиво?..

Kanumajucm

Когда мы жили в Северодонецке (в конце семидесятых), недалеко от нашего города строили газопровод. Часть оборудования была американского производства, и монтировали его американские рабочие. Некоторые из них приехали с семьями. Так в третьем классе школы, где учился Захар, появился мальчикамериканец.

Захар в десять лет знал уже много английских слов и быстро сошёлся с новичком, который обрадовался новому знакомству чрезвычайно. У нас дома была на-

печатанная за границей книжка К. Чуковского на английском языке; Захар подарил её американцу, и тот был в восторге от подарка.

А потом Светлану пригласила в школу классная руководительница Захара, Заслуженная учительница УССР В. Г. Деркульская, и объяснила бестолковой мамаше, что общение советского пионера с капиталистом абсолютно недопустимо. Захар наберётся от него чуждой нам идеологии. Неважно, что мальчику всего девять лет. Они всасывают это с молоком матери!

Я сходил к директору школы — ветерану войны, потерявшему на ней ногу, и, как я слышал, порядочному человеку. Он выслушал меня, покивал головой и сказал:

- Есть вещи, которые я не могу изменить. Наша школа показательная...
- Тогда я заберу сына, пусть учится в школе попроще.
- И правильно сделаете. Так будет лучше и для Захара, и для вас, и для меня.

Я быстро оформил перевод. Что стало с девятилетним капиталистом, сыном американского рабочего, я не знаю.

Дела конторские

У Алёши было два достоинства: красивая жена Ниночка и цветной телевизор. То есть, конечно, он был свой парень, кандидат наук, знал анекдоты и хорошо держал выпитое — как и вся наша компания, а вот

цветной ТВ был только у него. Оттого и ходили мы к нему частенько: КВН, футбол и поговорить...

Недостатки у него были, но вполне терпимые: чуть слишком весёлый, чуть слишком инициативный. То предложит вступить в Общество любителей математической статистики («Понимаешь — только статистика, никакой политики, придраться не к чему»), то пожалуется на падение сексуальной активности («Ты ж фотограф, распечатай мне порнушки, у тебя же точно есть!»), то предложит в Москву съездить («Там такие ребята, ты что, у них на «Радио Свобода» выход!»). Я, конечно, дуб дубом: «На фига мне статистика? Порно — гадость, никогда в руках не держал, а «Радио Свобода» - это ж антисоветчина, поди?» Но Алёшин энтузиазм не угасал. Однажды я ему нарочно сказал какую-то гадость — он не обиделся!

Я навёл справки у ребят из его НИИ.

«Алёша? Ну да, стукач. А как, по-твоему, он квартиру получил? У нас люди по пятнадцать лет стоят в очереди — и ничего, а ему за два года — пожалуйста!»

И что мне делать? Отогнать его не фокус, так ведь другого прикрепят, а кого — и знать не буду.

- Саш, а ведь Алёша наш...
- Стукач, что ли? Тоже, удивил!
- А Андрей знает?
- Конечно. И Ленка знает, и Наташка.
- И как же...
- Большое дело! Да их полно вокруг. Не этот, так

другого подсунут, а он хотя бы не жлоб, а главное — чемпионат мира на носу, а цветной телик только у него.

Если б голландцы в 1974-м немчуру побили, я, может, и до сих пор с Алёшей якшался бы, но фрицы выиграли 2:1, и этого я Алёше не простил, раззнакомился.

Друзья познаются в дверях

В далёкие уже семидесятые был у меня приятель. Звали его Павел, но, поскольку каждого человека он за глаза называл «морда с тряпок», мои дети решили, что это его имя, и называли его «Мордастряпок». Имя это ушло в народ, и скоро в городе его иначе и не называли.

Мордастряпок был бизнесмен: перепродавал запчасти к мотоциклам и гаражи, лепил из гипса африканские маски и крутился в чём-то более серьёзном, о чём я не хотел знать.

Мне в нём нравились позитивное отношение к жизни и несвойственная мне бесшабашная смелость. Иногда он втягивал меня чёрт-те во что. Так, однажды на базаре он залез в кузов грузовика и стал сбрасывать мне оттуда арбуз за арбузом — столько мы не могли ни унести, ни съесть — и продолжал бросать их мне, даже когда водитель, заметив кражу, бежал к машине с ма-

терными криками, полными обещаний.

Парень он был компанейский, весёлый, добрый, но иногда сильно меня удивлял. Однажды мне понадобилась шестерёнка к мотоциклу. У Мордыстряпок нашлась такая за 20 рублей. Я удивился: «Морда, я, конечно, заплачу, но она стоит 3,50. Почему ты хочешь заработать на мне, мы ж с тобой не как-нибудь, здрасте-досвиданья?» И он ответил: «А чтобы форму не терять!»

Когда приоткрылся занавес, мы с женой решили сваливать и передали наши данные в Израиль. Через полгода мы получили посылку «от тёти Евы из Гааги»*.

Контора, с самого нашего приезда в город уделявшая нашей семье неназойливое внимание, активизировалась и в конце концов предъявила (через нашего соседа) ультиматум: «Из нашего города никто не уезжал и не уедет. Или меняйте город, или мы оформим дело и посадим».

Мы начали подбирать город, откуда было бы легче уехать, но «умница фортуна» решила всё за нас: тёща сломала шейку бедра, и мы вернулись в родной Харьков.

Не устраивая отвального банкета, мы прощались со всеми по очереди. Приехали и к Мордестряпок. Под окнами стояла его Ява — знак того, что хозяин дома. Мы поднялись на второй этаж и позвонили. Никто не вышел нам навстречу. В дверной глазок были видны перемещающиеся тени, был слышен скрип половиц и

История прошлого мира

шёпот... ЛЮДЕЙ в квартире не было.

Что ж, бывает и так. Дверь друзьям открыть — это вам не арбуз украсть!

^{*} Гуманитарная помощь от American Jewish Joint Distribution Committee - Джойнт. Присылали вещи, которые можно было продать, чтобы на вырученные деньги дотянуть до отъезда (с работы увольняли сразу).

OBMP-Bopoma & Mup

Тёща меня любит. Дело понятное: для неё самое главное — свобода, и именно я освободил её от главной материнской заботы — пристроить дочку замуж.

Это сейчас я женат на умнице-красавице, умеющей готовить, чинить компьютеры, создавать интернетсайты и в считанные секунды находить любую информацию, а женился-то я на худющей длинной девице с носом, не оставляющим сомнений относительно её происхождения, нахальной и целомудренной одновременно. Она доминировала в компании, танцевала, пела, играла в театре и на аккордеоне, и всё же у мамы были большие сомнения.

У меня они тоже были. В 21 год я мало думал о создании здоровой ячейки общества, не боялся остаться в девках и жил вполне комфортно с мамой-папой. Поэтому, прежде чем принять предложение руки и сердца, я хорошо подумал.

Думал я долго — почти два часа — и понял, что дело слишком серьёзно, чтобы решать его самому. Неплохо было бы разделить с кем-нибудь если не последствия, то хотя бы ответственность. Я повёз кандидатку к своим друзьям, постарше меня и с опытом семейной жизни. Они сказали: «Бери!» Три «за» при одном воздержавшемся. Что мне оставалось делать?

В приданое я получил редкую тогда пластинку спи-

ричуэлс Махелии Джексон и невестин долг за новое пальто. Сейчас я не люблю спиричуэлс, потому что понимаю, о чём поётся, но отношение к самой Махелии Джексон и к жене не изменилось, хотя прошло уже сорок два года. Не изменилась и Цилечка: двести рублей за пальто она мне так и не вернула.

Моя тёща — замечательная женщина: преподаёт, путешествует, фотографирует, рисует и помогает раввинам, приходящим к ней за советом. Если захотите пригласить её на шабатон, вам придётся занять очередь.

На тёще я однажды чуть не женился, а впоследствии я её удочерил.

Работники харьковского ОВИРа не старались сделать эмиграцию лёгкой и приятной. Забить арбуз в еврейскую жопу в последний момент было их коронным ходом.

Жена и дети уже уехали, а я задержался с тёщей из-за отсутствия некоторых документов.

Наконец все проблемы были решены и я пришёл в ОВИР получить заветную справку об освобождении. Тут начальничек мне и улыбнулся:

— А ничего у вас с выездом не выйдет! С женой вы в разводе? (Мы действительно развелись, чтобы обменять квартиру.) Дети уехали? Вызов — на семью? А где семья? Вы и бывшая тёща — так она вам никак не род-

ня, и нужны вам теперь два вызова: на вас и на неё. Собирайте документы и приходите.

Имел он в виду, конечно, время — год или больше — на получение вызова, визы и так далее.

- Вот что, полковник! Вы сегодня работаете до пяти, так я не прощаюсь. В полчетвёртого я буду здесь с молодой женой: я ведь свободен, тёща моя тоже в разводе, и место я знаю там нас за час распишут!
- Ладно, сказал он нехотя. На тебе твои бумаги,– и руку подал. Признаюсь, я пожал.

Спустя пять лет мы подавали бумаги на американское гражданство. Среди них было заявление в суд о закреплении имени. Я впервые официально назвал себя так, как меня все называли с детства — Боб, но, поскольку диплом и банковский счёт были на Бориса, я заявил себя как Борис Боб Май. Тёща сказала:

- А почему я должна быть Крупаткиной?! Я с Яшей давно в разводе, с родственниками его не общаюсь. Мои родственники ты, Света, Захар, Алёша! И фамилия пусть будет общей если ты, Боб, не возражаешь, конечно!
- Нет проблем! ответил я. И стала тёща зваться Майя Май. А я у неё стал Мой Любимый Зять.

У фонтана в Ладисполи

Игорь Дворкин, выпускник техникума связи и бая-

нист, советовал мне у фонтана в Ладисполи:

— Тут многие меняют лиры на доллары — с ними дела не имей: жульё! Много фальшивых бумажек, особенно двадцаток. Ты человек простой, нажухают в два счёта! Если останутся лиры, приходи ко мне. Я по старой дружбе поменяю тебе по хорошей цене, не будешь иметь хлопот. И доллары у меня хорошие, в Италии их вообще никто не отличит, работа — класс. Вот посмотри... Что — цвет? Цвет — ерунда, есть проблемы посложнее, а ты — «цвет»...

Длинный, длинный день

К автобусу было велено прийти в шесть утра. Вещи сложили накануне, но все равно осталось много дел, так что встали в четыре.

В полвосьмого мы были в римском аэропорту Леонардо да Винчи. Самолёт Пан Американ вылетал в 9:30, но посадку объявили в половине одиннадцатого. В 12:30 пополудни Боинг-747 всё ещё не летел. В круглом иллюминаторе разыгрывалось немое кино.

Сначала двое в рабочих комбинезонах обсуждали между собой какую-то проблему. Говорили они поитальянски, и поэтому было понятно, что ближайший ко мне двигатель неисправен, хотя голосов слышно не было. Подошли ещё двое в комбинезонах. Четвёрка быстро пришла к общему мнению, что до Ка-

Большая перемена

зани это колесо не доедет и через океан с таким движком лететь нельзя, и по рации довела это мнение до сведения.

Подкатил пикап с начальником в форменной куртке, потом легковушка ещё с двумя — тоже в куртках.

Дискуссия разгоралась, с двигателя сняли кожух, механики указывали пальцами на что-то в турбинных кишках и с сомнением качали головами. Начальство наседало, но соглашение достигнуто не было. Механики плюнули на бетонное покрытие и ушли — неторопливо, с достоинством членов профсоюза. Появился некто в пиджаке и фуражке, догнал механиков, помахал руками — и те ушли уже всерьёз.

Новый пикап привёз группу других механиков. Начальству вроде бы удалось с ними договориться, но уехали и они — с оскорблёнными лицами и в сильном раздражении.

Привезли тех, первых. Уже другой начальник уговаривал их, вероятно, не взывая к совести и суля какие-то коврижки.

Нам предстоял перелёт через Атлантический океан, и огромный Боинг уже не казался большим и надёжным.

К концу второго часа прений высокие договаривающиеся стороны пришли-таки к соглашению: пиджак и куртки, улыбаясь, пожали руки комбинезонам и отбыли; механики посмеялись, надели на двигатель кожух, сели в пикап и укатили в противоположную сторону.

Самолёт покатил к началу взлётной полосы и через десять минут — в 14:40 — взлетел.

Погода была великолепной, полёт — неутомительным. Через девять часов мы приземлились в аэропорту им. Джона Φ . Кеннеди в Нью Йорке.

Возвращение

Самолёт из Рима приземлился в аэропорту им. Джона Ф. Кеннеди около семи вечера. Встретившая нашу группу девушка из ХИАСа* перепутала терминалы, поэтому самолёт на Балтимор улетел без нас, а следующий был только утром. Но девушка нас не бросила: она долго звонила из автомата в разные инстанции, и через пару часов за нами пришёл автобус и отвёз нас в отель с крошечным вестибюлем, скрипящей лестницей и пьяненьким консьержем в несвежей майке.

Нас стали расселять по комнатам. Народ принимал в этом процессе живое участие, причём всё больше локтями. Да ещё и хиасская дева не говорила порусски.

Через час от толпы эмигрантов в вестибюле остались моя тёща, её ровесница по имени Нора, высокий мужчина моих лет, не говорящий ни по-русски, ни поанглийски, и я.

Осталась всего одна комната, — сказала девушка

из ХИАСа так устало, что ей никто и не возразил, - но в ней две кровати.

Номер оказался чистым, с телевизором, холодильником и ванной. На маленький бар, полный напитков, никто из нас не покушался. Время подошло к полуночи. Я попытался познакомиться с соседом. Имени его я не разобрал — понял только, что он венгр — и сказалему: «Сервус!»

Партнёров на ночь выбирали дамы. Тёща выбрала Нору (они потом подружились на всю жизнь). Выбора у остальных уже не было.

Пока дамы укладывались, я занялся мужскими делами: обнаружив, что в унитазе стоит вода, открыл бачок и переделал его на советский манер — чтобы воды не было. Для этого пришлось оторвать тонкую трубочку из полихлорвинила. Смывать бачок стал хуже, но зато вода в унитазе больше не стояла. Потом я знакомился с телевизором. Он был цветным, но показывал только одну программу. О дистанционных пультах я тогда ничего не знал, но после серии экспериментов выяснил, что, если нажать левую кнопку и тут же выдернуть вилку из розетки, а потом опять её туда воткнуть, канал менялся! Я пролистал штук двадцать каналов — и всё зря: голых девок нигде не было...

К половине второго я нарезвился и пошёл спать. Мне впервые предстояла ночь с мужчиной. Венгр лежал на краешке кровати, но не спал. Я лёг на спину, сосед сделал то же — видимо, мы рассуждали одинаково. Я хотел было ему улыбнуться, но сдержался: чёрт их, этих мадьяров, знает!

В пять утра нас разбудили, в шесть мы были внизу с вещами, в восемь был подан автобус, и в десять мы уже летели на небольшом, очень удобном самолёте прямо над береговой линией, и наша тень ползла по американской земле.

В Балтиморе нас встретили моя жена, сыновья и друг на огромном Бьюике. Машина везла нас шестерых по дороге с пятью полосами в каждом направлении, мы проезжали четырёхэтажные транспортные развязки, оставляя в стороне небоскрёбы, океан и приближаясь к дому. После сорока лет странствий я вернулся на свою Итаку.

*XИАС (HIAS — Hebrew Immigrant Aid Society) — американская благотворительная организация, помогающая евреям-иммигрантам

Peyugub

Гостил у меня в 1991 году мой друг Ванёк. Месяц пожил — пора домой. Обратный билет Ванёк купил ещё в Москве, а я с небольшой доплатой поменял его на бизнес-класс уже здесь, в Балтиморе.

Обычно пассажиры после регистрации спокойно сидят в зале ожидания и ждут объявлений, но тут был случай необычный: рейс на Москву — а потому толпа сбилась возле стойки и расставила локти (по pasaran!).

Регистраторша объявляет (по-английски, естественно): «Приглашаются на посадку пассажиры бизнескласса». Мало кто в очереди её понял, а я взял Ванину сумку и протянул девушке его посадочный талон. И началось.

— Это что ж такое?! Почему без очереди? Не пускайте его! Смотри какой!

Ванёк, которому привычно в подобной ситуации схватить любой стул и сначала трахнуть наглеца по голове, а потом уже выяснять, где наши, где немцы, както сник: отвык за месяц — а с меня вся цивилизация слетела в момент, как и не было.

— Ты, — говорю, — подходи поближе! Я тебе сейчас врежу в голову и полицию вызову — ты ж «порядку» хочешь! На рейс ты уже не попадёшь, и придётся тебе барахло распродавать и за перенос вылета доплачивать. Мне, может, и даст судья двести долларов штрафа, а ты на всю жизнь невыездной! Подходи давай! Не подошёл.

Ванюша летел в Москву, а я шагал к машине, удивляясь самому себе: и легко же меня в хамы вернуть.

Нам не дано предугадать, как слово наше отзовётся...

«Признаю, я превысил скорость, но ведь не нарочно. Мотор глохнет на малых оборотах, приходится держать не менее двух тысяч. Это вообще не моя машина. Моя в ремонте, и я у Аркаши на пару дней взял его старую. Я ж не знал, что она всё время глохнет, а и знал бы — у кого ещё я мог бы одолжить машину? Я в стране уже четвёртый месяц, но знакомых у меня мало...»

Всё это я толково объяснил остановившему меня полицейскому. Главное он понял: перед ним мудак, 138

превысивший скорость и не говорящий по-английски. Коп достал квитанционную книжку и стал выписывать штраф, приговаривая:

— Не понимаешь слов — поймёшь числа. 220 долларов штрафа лучше учебника научат тебя, что знак 30 означает 30 миль в час, а не 45!

Неожиданно для нас обоих я ответил:

- Я понимаю! 220 долларов - моя зарплата за неделю (его система обучения уже начала работать).

Коп перестал писать.

— Ты получаешь 220 в неделю?

Радуясь тому, что меня понимают, я с гордостью (другие получали и по 150) закивал головой.

Он вздохнул.

— Давай так: я тебе выпишу предупреждение, а ты, если не можешь ездить медленно, езжай по Либерти Хайтс, а про Рейстерстаун Роуд забудь — это мой участок, тут не нарушают!

Ну не молодец?!

Он уже уходил, когда я решил выразить переполнявшие меня сожаление и благодарность.

- Excuse me! крикнул я ему вдогонку.
- Yes? обернулся полисмен.
- Nothing! Just excuse me!

Он посмотрел на меня с тоской и пошёл к своей машине. Раскаяние душило меня.

- Excuse me!! - крикнул я громче, радостно улы-

баясь.

- Wha-a-at?! он явно жалел, что не пристрелил меня сразу.
  - Nothing, nothing! You can go! разрешил я ему.

Коп видал и не такое. Поправив ремень с фонарём, наручниками, пистолетом, двумя магазинами патронов, справочником, газовым баллончиком, складной дубинкой и рацией, он поспешно ушёл, не желая испытывать судьбу.

Как выяснилось позже, я должен был говорить «I am sorry», а «Excuse me!» в данной ситуации означало «Послушайте!».

Бунт на корабле

Александр Валентинович приехал в Америку «не корысти ради, а токмо волею жены». Раиса Моисеевна была направляющей и руководящей силой его жизни уже двадцать шесть лет, и он послушно следовал её линии.

В Америке Александр Валентинович стал Алексом, отпустил бородку и поступил на работу на кабельную фабрику, где работали многие недавноприехавшие иммигранты, отчего предприятие называлось «Русский Завод». Инженеры мотали трансформаторы, младшие научные сотрудники красили распредели-

тельные щиты, доктор наук протирал спиртом контакты — это была расплата за невыученный английский.

Их более практичные жёны пошли в маникюрши и парикмахеры и зарабатывали вчетверо больше мужей. Маникюршей стала и Рая. Она раньше Алекса научилась водить машину и сдала на права, и её машина была новой, в отличие от рыдвана, на котором ездил на работу он. Изменилось многое, но не семейные отношения. Главной в доме была по-прежнему Раиса.

Душе Алекса, вдохнувшего западной свободы, хотелось равных с Раисой прав, но — зарабатывала Рая, разбиралась с бумагами Рая, визиты к врачам устраивала Рая. Она же выбирала мебель, развлечения, готовила и кормила.

И однажды Алекс не выдержал. Рая объявила, что они идут в гости к Рите. С Ритой Рая работала вместе в салоне, и та Алекса не раздражала, но её муж Фима, бывший в Союзе шоферюгой, стал теперь Водителем Собственного Грузовика и открыто презирал Алекса, дипломированного инженера. Алекс предпочёл бы полежать у телевизора и смотреть боевик, где и без слов всё понятно: бьёт в морду — значит, не любит. Но Рая сказала: «Быстро одевайся!» — и Алекс взорвался. Он взрослый человек, он работает — почему он не может сам решать, идти ему в гости или нет?!

Скандал вышел на славу: не только соседи по дому, но и жители домов напротив узнали, что она, сука, ис-

портила ему жизнь, отобрала лучшие годы, сука, сука, СУКА!..

Двое белых полицейских не могли понять глубины Раиной подлости, так как Алекс объяснялся исключительно по-русски, и не знали, кто прав, кто виноват. Они старались погасить конфликт успокаивающими жестами, но вдруг Алекс, вовсе не говорящий на английском, театрально завопил: «I'll kill you!» — и полицейским ничего не оставалось, как только арестовать его.

Суд был назначен на следующую неделю. Мстительная Раиса отказалась внести денежный залог, и Алекс провёл восемь суток за решёткой. Судья признал Алекса виновным в нарушении порядка, но счёл отсиженный им срок достаточным наказанием и отпустил буяна.

Уже на следующий день Алекс записался на курсы английского — с одной фразой, даже очень красивой, в иноязычной стране не проживёшь!

WTF

В 1992-м году Цилечка работала секретаршей шестидесятилетнего профессора Арни Пакера в университете Джонса Хопкинса. В отличие от меня, она въехала в Штаты с приличным английским и немедленно записалась на шестимесячные курсы секретарей-машинисток, где научилась печатать вслепую со скоростью 70 слов в минуту, редактировать тексты на компьютере и вести деловую переписку.

Стол Цилечки располагался перед входом в кабинет профессора, а в трех метрах от него находились столы двух других секретарш — Лоры и Роуз. Между Цилечкой и американками сложились теплые отношения — девушки с удовольствием обучали её американским манерам. Кроме того, они были ценнейшим источником идиом, так как обсуждали свои дела, присутстви-

ем Цилечки не стесняясь.

В тот день Роуз эмоционально рассказывала Лоре о чужой машине, запаркованной на её законном месте:

— ...And I am thinking — what the fuck? Ain't I paying seventy dollars a month for my own parking space?

Тут Арни вызвал Цилечку к себе в кабинет, закрыл дверь и сообщил, что их департаменту урезали бюджет и что повышения зарплаты в этом году не будет.

Выйдя из кабинета, Цилечка обратилась к девуш-кам, благо повод был подходящим:

- What a fuck!

Американки захохотали — и долго не могли остановиться. Отсмеявшись, коллеги объяснили ей разницу между определенным и неопределенным артиклями в английском языке.

What the fuck! — какого чёрта!

What a fuck! — (a) ну и мудак! (пренебрежительно); (б) ах, какой секс! (восторженно).

WTF — What The Fuck.

На матлингвистике этому не учили...

Друг

В Америку я привёз с собой четыре чемодана барахла, двести сорок долларов наличными и несколько десятков нажитых непосильным трудом английских слов. Ещё я мог спеть: «I'd rather be a sparrow than a snail...» Увы, этого было недостаточно для получения работы, и пришлось мне идти в колледж учить остальные слова (слава ХИАСу, пославшему меня туда на свой кошт). После занятий я гулял часок по центру города, чтобы знания улеглись, куда надо, и прошла ими вызванная тошнота.

В середине второй недели занятий я отдыхал после классов в скверике на Чарльз стрит у первого в Америке памятника Джорджу Вашингтону. Ко мне подсел негр весьма потрёпанного вида.

- Hi, how are you?
- Thanks, I'm fine. How are you doing?
- I'm good, man, I'm good... How long have you been in America?
- It's my seventh day я почему-то посчитал только дни, когда я был в классах.

Собеседник внезапно оживился: «Седьмой день? Так ты же ещё ничего не видел?!» (может, он говорил что-то другое, но я понимал его так). «Слушай, тебе нужен друг, одному тут трудно. Я живу здесь» (он показал на Старую церковь Св. Петра). «Вот мой теле-

фон»(?) (он записал мне его в тетрадь). «Звони в любое время — меня позовут. Просто попроси Джорджа, ок?»

Мы обменялись рукопожатием. «Я твой друг, ты понял?» (я кивнул). «Сейчас я должен идти, но ты приходи сюда завтра, ок? Нет ли у тебя мелочи?»

Я щедро дал ему около полудоллара, оставив себе девяносто пять центов на метро, и он ушёл, благословив меня напоследок.

Была середина марта — лучшее время в Балтиморе: зима уже закончилась, а лето ещё не началось. Тогда я ещё не представлял себе, какая жара бывает в городе, где я заново родился.

Гуманитарная помощь

Фира с дочерью и внуком приехали в Штаты в 1991-м году. На Украине из родных осталась только дочь покойной сестры Людочка.

Фира не знала языка, поэтому не пыталась устроиться инженером и, как многие эмигранты, стала убирать в богатых домах.

Сначала было трудно, но понемногу она втянулась: заказов становилось больше, и у неё уже был выбор — брать работу или отказываться. Богатой она не стала, но ей хватало. Внук рос, дочь вышла замуж и родила второго, вокруг были земляки, культурная жизнь била ключом, бытовые условия радовали, отдыхали на Ба-

гамах и в Мексике — Америка не подвела!

Конечно, Фира племянницу не забывала и, зная, что той живётся в самостийной Украине несладко, посылала ей то джинсы, то туфли... и ещё пятьдесят долларов ежемесячно: Людочкин оборонный институт приказал долго жить, другой работы она найти не могла, и пятьдесят долларов тогда были деньги.

Как-то Фира спросила племянницу, как именно та ищет работу.

— Да нет тут никакой работы! Не уборщицей же мне идти! Я же всё-таки инженер!

Вот вам и весь рассказ. А теперь угадайте, сколько долларов послала Фира Людочке в следующем месяце. А в следующем за тем? А во всех последовавших?.. А-а-а, вы уже слышали эту историю?

Ортодоксальный парадокс

К началу девяностых прошлого века в Балтиморе, штат Мериленд, резко возросло количество потенциальных русскоязычных прихожан для окрестных синагог. Местным синагогам срочно потребовались раввины со знанием русского языка. Моя тёща Майя Яковлевна, или Маечка, как называли её все знакомые с ней, была профессиональным преподавателем английского языка. Пейсах, молодой ортодоксальный энтузиаст, охмурявший русских в нашей ближайшей си-

нагоге, обратился к ней за помощью.

Маечка отличалась свойским общительным характером и быстро налаживала с учениками приятельские отношения, превращая тем самым занятия языком в ненавязчивую дружескую болтовню. Не обходилось и без советов.

- Маечка, жаловался ей Пейсах, Вы же меня знаете! Я же не говорю им постоянно: «Евреи! Не кушайте свинину!».
  - Я знаю, кивала головой Маечка.
- Я же не говорю им постоянно: «Евреи! Соблюдайте субботу!».
  - Ну конечно! подтверждала Маечка.
- Я же только прошу их: «Евреи! Не кушайте свинину в субботу!»
  - Ну да, ну да, соглашалась она...

Не, ну в самом деле!

Поселиться в Америке нам очень помогли старые и новые друзья: встретили в аэропорту, доставили в снятую и обставленную ими квартиру, набили холодильник продуктами, купили нам выбранную мной машину, деньги за которую мы отдали, когда смогли; были нашими гарантами, когда мы брали денежный кредит. На наши благодарности отвечали: ничего особенного, здесь так принято.

Я работал лаборантом в фотографии, а Цилечка училась в колледже на секретаршу — тот ещё семейный бюджет!

Как-то позвонила из Харькова Цилечкина подруга и попросила встретить и помочь сыну её знакомой: мальчик едет совсем один (мальчику было 23 года).

Опыт у нас был (мы уже приняли две семьи), поэтому мы сняли квартиру, обставили её, наполнили холодильник и встретили парня в аэропорту. Потом познакомили со своими друзьями, возили на интервью — помогали адаптироваться.

Парень освоился быстро, охотно говорил о себе, никогда не отказывался с нами пообедать. Он пошёл учиться на массажиста, собирался поступить в колледж.

Нас он не забывал, приходил раз-два в неделю. Однажды, отобедав, рассказал о своих успехах: он уже

получает за сеанс массажа 75 долларов и имеет двух клиентов почти каждый день. Тут я сдуру и ляпнул, что массаж, возможно, и мне помог бы — спина болит.

Это ж как удачно вышло, что мы с Цилечкой оба сидели:

— Нет, только не это, я устал, вот вам пять долларов, наймите себе массажиста.

Пятёрку я взял: незачем заставлять хорошего мальчика чувствовать себя обязанным.

Мольберт Чикагский

Сначала казалось невозможным упаковать, перевезти, переслать пропасть вещей — метровый культурный слой, отложившийся у неряшливых «русских» за годы чикагской богемной жизни — но постепенно, слоями, квартира освобождалась от людей, велосипедов, компактных и виниловых дисков, картин, котов, окурков, посуды, проводов и прочей пакости.

Наконец все уже было погружено, роздано, выброшено; оставался только мольберт, из-за своей громоздкости расположенный на балконе. И что было делать? Мольберт был слишком большим для Акуры «Интегра» и слишком классным, чтобы просто его бросить. Художники уехали, а мольберт остался — натурального дуба, семи футов роста, ценой никак не меньше шестисот долларов. А какой шедевр без моль-

берта?

И начались звонки знакомым, знакомым знакомых, потом... Все знают: Чикаго — город художников, а вот поди поищи добрые руки, чтоб осчастливить хорошим мольбертом! Рисуют тут на ногтях, галстуках, брандмауэрах, да и просто на заборах... А станковая живопись как же — никто уже и не пишет?

С большим трудом были найдены приёмные родители— супруги Дана и Игорь Файеры. Им мольберт и свезли, хотя сказать, кто из них был художником, я не берусь.

Впоследствии Файеры в интересах получения гражданства развелись. Далее в их планы входил фиктивный брак Даны с гражданином США. Она и вышла замуж — за Фиму Майера. Художником он не был, но гражданство имел. Дане понравился гражданин Майер, понравилась и новая фамилия, и она решила оставить их всех себе и быть Даной Майер-Файер.

Выпавший в осадок Игорь уехал в Сан Диего.

Дальнейшая судьба мольберта скрыта в тумане, но более-менее достоверно известно, что его истинные хозяева из соседней квартиры были очень огорчены исчезновением мольберта, почему-то совпавшим с отъездом шумных русских, что перечёркивало их надежды на создание шедевра. Так, вероятно, и живут они до сих пор в съёмной квартире и перебиваются журнальными карикатурами.

Kpumuk

Мой кузен Яша об американцах мнения невысокого.

- Придурки! Опять прислали кучу писем! Я ж поихнему не читаю! Уже достали! Ну и чего они хотят в этот раз?
- Пишут, что добавили твоей маме фудстемпы. Теперь она будет получать на пятнадцать долларов больше.
- Идиоты!.. А это про что?
- Сообщают, что страховая компания заплатила за лекарства свою долю и нужно доплатить ноль долларов. На это можно не отвечать.
- Чтоб они так жили, с этими письмами и страховками!
- Погоди-ка! За квартиру по восьмой программе с мамы берут четверть цены?
  - Меньше.
- Фудстемпы она получает. Каждый день ей машину к подъезду подают и возят в бесплатный «детса-

дик», где бесплатно же и кормят, так? А ведь мама твоя в Америке и дня не работала. Пять дней в неделю Эльвира приходит готовить и прибирать. Твоей маме 86— подружки её в Киеве чем занимаются?

- Какие подружки? Лет пятнадцать, как последнюю похоронили. Уже и моих ребят половины нет...
  - Так чего тебе ещё?!
  - Да говорю же: придурки они! При-дур-ки!

Дружба дружбой, а табачок врозь

Ева и Веня, владельцы оптики «Beautiful Eyes», оказались приятными ребятами. В их магазин я попал по рекомендации. Познакомились, поболтали о том о сём. Узнав, что я фотограф, Веня спросил, могу ли я сделать большие фотографии, показывающие работу реальных Евы и Вени? А то постеры от Гуччи и от Дольче & Габбана и у других есть.

Я не считал грехом напечатать на своей работе на хозяйских материалах пару фотографий для себя. Пришёл в оптику с фотокамерой и через неделю принёс фотографии — большие, 40×60 см. Фотографии понравились.

- Сколько с меня? спросил Веня.
- Нисколько. Подарок.
- Вот спасибо! Слушай, может тебе чего надо, так ты не стесняйся.

- А знаешь, мне бы вот сюда в видоискатель линзочку, я бы тогда без очков мог снимать.
- Конечно, сделаю. Давай аппарат, я сниму размер.

Я зашёл в оптику через неделю.

Готово твоё стекло, — сказал Веня.

Я вставил линзу в окуляр — подошла идеально. Сделал пару снимков, уже с линзой — сияющий Веня среди сверкающих оправами очков витрин.

- Отлично! Спасибо, Веня!
- Фирма веников не вяжет! Тридцать шесть долларов с тебя; если наличными налог не возьму.
  - «Вот те раз! подумал Штирлиц». Я получал столько за полный рабочий день, да что ж тут скажешь... Заплатил, попрощался и отбыл.

Прошла ещё неделя. Я снова к Вене, с пакетом.

- Как жизнь, Веня?
- А у тебя?
- Да вот! Я снял обёртку и вручил хозяину его портрет.
  - Тридцать шесть? с пониманием спросил он.

Сейчас я понимаю, что всякий труд должен быть оплачен. Он же просто взял с меня плату за свою работу. Но тогда я чувствовал себя обиженным.

– Ровно тридцать шесть, я налог не беру.

Веня заплатил. Поговорили о том о сём. Больше никогда не виделись.

Черкасский цирюльник

Подхожу к дому. За столиком под цветущей магнолией сидят старички-«русские».

- Добрый вечер! говорю я (никто не отвечает) и вхожу в подъезд.
- Наконец хоть одна сволочь поздоровалась, слышу я голос Аркадия, парикмахера из Черкасс, моего соседа по площадке, и улыбаюсь: приятно сознавать собственную уникальность.

Через день стучу вечером к соседу: мы договорились, что он меня пострижёт. Аркадий не открывает, хотя свет в квартире горит. Стучу громче, потом совсем громко — за дверью тишина. Из своей квартиры звоню 911.

Приехавшие первыми пожарники вышибают дверь, находят хозяина на полу, скорая увозит его в госпиталь.

Через пару недель вижу Аркадия, оправившегося от инфаркта, на той же скамейке в той же компании.

— Добрый вечер! — Никто не отвечает. С нашими старичками всё в порядке!

Priceless

Нью Йорк. Гринвич Виллидж. Здесь я гуляю с Гришей и с моим сыном Захаром. Проходим мимо итальянского кафе. Двери настежь, запах — божественный!

- А вот, - говорит мечтательно Гриша, - будет же когда-то время, когда мы сможем войти вот так запросто и сказать: «Официант, кофе!»

Я успел только улыбнуться, а Захар уже за столиком: «Tre cappuccino, per favore!»

И ведь всего шесть долларов, а удовольствия — на все пятьдесят. Гриша и не заметил, что сорок четыре внёс он...

Инвалид

Жизнь в Америке у Бориса Григорьевича Безброша не задалась с самого начала. Оказалось, что пособие по старости, бесплатное медицинское обслуживание и дешёвое жилье давали иммигрантам 65 лет и старше, а Борису Григорьевичу было только 62.

Пришлось жить на иждивении дочери и зятя, хотя его ровесники (ну ладно, те кто был старше его на три года) жили в отдельных квартирах, за которые платили копейки, имели бесплатную медицину, получали ни за что ни про что шестьсот долларов в месяц социальной помощи и сто двадцать — на питание. Соседка по площадке Анна Борисовна, секретарша из Умани, с которой он прогуливался по набережной, получала пособие по инвалидности (её дети подсуетились), а какой она инвалид? Он за ней едва поспевает!

— Почему у меня нет инвалидности?! — насел Борис Григорьевич на дочь Аллу. — И вообще, какого чёрта ты притащила меня в эту задрипанную Америку, от которой у меня камни в почках и вечный насморк?

Алла слабо отбивалась. Пусть папа живёт пока с ними — и она, и её муж, и внуки ему рады, комната у него своя, а через три года поступит, как он захочет, но Борис Григорьевич был непреклонен — с его давлением, камнями и артритом он должен получать все инвалидные льготы!

Алла собрала медицинские справки, заполнила формы и подала документы в Социальную службу. Ответ пришёл только через два месяца (бедная Алла!) и содержал отказ: состояние здоровья мистера Безброш не давало ему прав на получение инвалидности.

Безброш рассвирепел.

- Я их засужу! — кричал он. — Развели, понимаешь, лавочку! Я 35 лет отработал, а они мне инвалидность не дают?!

Знакомые подсказали Алле, что нужно идти к юристу, и есть такой Гриша Маргулис, который умеет выбить инвалидность, и что берёт он всего одну тысячу долларов.

— Ты сумасшедшая! Платить проходимцу тысячу, ТЫСЯЧУ долларов?! Ты что, не можешь найти нормального юриста?

Алла нашла юридическую контору, ведущую дела pro bono*, и договорилась о встрече. Борис Григорьевич пошёл с ней.

Пожилой юрист без интереса просмотрел бумаги и сказал Алле, что оснований для получения инвалидности он не видит, и все болезни мистера Безброш — результат обычного старения. Вот если бы какое-нибудь психическое расстройство, тогда можно было бы что-то сделать, а так — увы!..

Алла вздохнула и стала прощаться, но тут уж Борис Григорьевич взял инициативу в свои руки.

— Заткнись, идиотка! — оборвал он дочь и громко (чтоб этот придурок понял!) начал объяснять юристу свои права в ихней сраной Америке. Зачёс на его лысине растрепался, изо рта летела слюна, кулак твёрдо бил по столу. Говорил Борис Григорьевич на русском языке.

Юрист оживился.

- Is this your father's usual behavior?** спросил он, внимательно глядя на Аллу (в её глазах был ужас), и, не дожидаясь ответа, сказал:
  - I'll take your case.***
- * Бесплатно
- ** Ваш отец всегда так себя ведёт?
- *** Я возьмусь за ваше дело.

Ветераны

Ждем в аэропорту самолет на Сан-Франциско. В зале ожидания появляются прибывшие пассажиры. Это сплошь старики, некоторые — в каталках с сопровождающими. Их встречают аплодисментами, что привлекает внимание всех ожидающих. Ветераны Второй Мировой прилетели в Вашингтон на средства, собранные движением Honor Flight Network, чтобы нация почтила их заслуги и знала своих героев. С ними группа энтузиастов в желтых майках. На майках сзади: «НАЗЕМНАЯ КОМАНДА. Мы не можем все быть героями. Кто-то должен стоять у обочины и аплодировать, когда они проходят мимо./Уилл Роджерс/». Отчего нет? С нашим удовольствием! Все вокруг хлопают, жмут ветеранам руки, все им рады.

Не знаю, какие встречи и развлечения ждут старых солдат в столице — надеюсь, все подготовлено хоро-

шо. Дай им Б-г здоровья! И вот что я вспомнил:

Друг Левон пригласил нас в свой родной Ереван. Его отец Агван Суренович — заслуженный учитель — жил в прекрасном старом доме, где его большая семья (три сына, дочь, невестки, внуки) часто собиралась вместе. Телефона в доме не было. Конечно, Агван Суренович «стоял в очереди на получение», стоял хоророшо, много-много лет...

Но вот в газете появилось сообщение, что «...в ознаменование юбилея великой Победы всем ветеранам войны будет установлен телефон в течение полугода».

Прошёл год, пролетел второй — нет телефона. Агван Суренович обращается в инстанции.

- Нет у нас номеров, дорогой!
- Но ведь обещали! Ветеранам войны... в течение...
- Обещали, уважаемый, но нет номеров.
- Как же так?! Ведь в газете написали...
- В газете написали, ЧТОБЫ ВЫ РАДОВАЛИСЬ, а телефонов без номеров не бывает, сами должны понимать. Войну прошли, а как маленькие, в самом деле...

Cocedka

Майк Бразерс навещал маму раз в месяц. Езды от Вашингтона до Филадельфии три часа, и визит занимал целый день. Младший брат Майка — Стив — недавно перевёз маму в другой дом престарелых — подоро-

же; там Майк ещё не был.

Майка мама не любила, Стива — терпеть не могла, и посещения эти были для братьев сущей мукой. Зато мама получала от этих визитов несомненное удовольствие: она могла высказать им всё, что накопилось, и делала это неспеша, обстоятельно, внимательно следя за впечатлением, которое производили её слова.

Но мама — это мама, и Майк уже больше часа слушал знакомый рассказ о том, как все они, а особенно его братец, отравили мамину жизнь, превратив её в сущий ад. Он подавал маме её любимые персики, дорогие шоколадные конфеты и прикидывал шансы успеть вернуться домой к началу бейсбола.

В комнату въехала на коляске сухая, как цветок, пролежавший между книжными страницами полвека, старушка.

— Опять её черти принесли! Сколько ж можно! Майк, убери её! Шляются тут...

Майк взялся за ручки коляски и покатил её к двери. Старушка молчала, но пыталась тоненькими птичьими лапками остановить движение, хватаясь то за скользкую поверхность столика с едой, то за ручку двери в ванную.

— Гони её, надоела! — поторапливала мать, и Майк, мягко отрывая руки старушки от предметов, за которые та хваталась, вывез её в коридор, извинился и, вернувшись к матери, закрыл за собой дверь. Старуш-

ка пыталась прорваться обратно, но Майк подпёр дверь ногой.

Мама продолжала обвинения: каким негодяем был Майк уже в четырнадцать лет — весь в отца, который так и не женился на ней и сбежал в Колорадо с дрянью Пэм; как подло он ушёл из семьи в восемнадцать, поступив в колледж, хотя мать была против: никто в их семье не учился, и ничего — жили себе; и как под его вредным влиянием Стив уже в шестнадцать лет женился на этой проститутке, только бы оставить мать одну...

Постучав, в комнату вошла няня. Она катила перед собой коляску с той же старушкой.

— Миссис Бразерс, вы напрасно не разрешаете Луэлле войти. Она живёт в этой комнате гораздо дольше вас. Луэлла прекрасная соседка, вам бы не стоило её обижать. Вы уже делили комнаты с Мартой, и с Эйдой, и с Кэрол — и ни с кем не ужились. Вы же знаете, что через два месяца будет готов новый корпус и вы получите отдельную комнату. Вам нужно всего лишь немного потерпеть.

Няня уложила соседку в кровать, улыбнулась Майку и ушла.

Соседка мирно спала. На подоконнике стояли фотографии в рамках: молоденькая девушка в мантии — выпускница колледжа, молодая женщина с двумя девочками, большая семья, где в сидящей среди детей,

внуков и правнуков пожилой женщине можно было узнать и девушку в мантии, и спящий высохший цветок...

- И много тебе дал твой колледж, пьяница?
- Я уже десять лет не пью, мама.
- Я знаю. Уж лучше бы ты пил!

...Старая ведьма опять заставила его сделать гадость. Вспомнился психоаналитик, отметивший сходство всех его бывших жен с матерью...

Машина бесшумно катилась на юг со скоростью, предписанной дорожными знаками. Майк не спешил. Смотреть бейсбол ему расхотелось.

Не ангел

Сан-Диего, Калифорния. Офис проката автомобилей, где у нас зарезервирована Хендай Элантра. Клерк предлагает за небольшие дополнительные деньги взять машину побольше.

- A что у вас есть?
- Форд 500, Тойота Камри и Ниссан Алтима.
- Если есть Камри я возьму.

К офису подъезжает свежевымытая Тойота, но джентльмен за рулём — явно не служащий прокатной компании.

Ещё одна есть? — спрашиваю.

Клерк смотрит в компьютер.

- Есть только Форд и Ниссан.
- Покажите Ниссан.
- Уже нет и Ниссана. Только Форд.
- Не беру. (Мне парковаться на крохотном пятачке, Форд там не станет).
- А я у клиента спрошу! и обращается к мистеру с Тойотой, уже имеющему на руках контракт, а в багажнике чемоданы:
- Сэр! Не согласитесь ли вы уступить вашу машину вот этим господам и поехать на Форде?

Ага, думаю, щас! Вылезет он из ладненькой Камри и потащит чемоданы в отечественный рыдван!

- Нет проблем! говорит мистер и тут же выходит из машины. Служащий переносит его багаж в Форд. Я подхожу к благодетелю:
  - Спасибо! Вы ангел!
- Ну нет, отвечает он. На ангела я не тяну. Я католический священник. Из Флориды.
  - И отдаёте машину иудеям?
  - Большое дело! У меня сестра иудейка!
  - А можно я вас сфотографирую на память?
  - Конечно!..

Начали прощаться. По сюжету мистер должен был раствориться в воздухе, а он просто улыбнулся.

Предатель

Дженни росла во Флориде. Её родители были ревностными католиками, и к окончанию католической школы она твёрдо знала, что своих детей воспитает иначе.

Окончив колледж, Дженни нашла работу в Балтиморе, через год вышла замуж за Джона, ещё через год родила дочь Патришу.

В письмах её отец настаивал на том, чтобы внучку воспитывали доброй католичкой, и Дженни грешила, отвечая, что делает всё необходимое.

Однажды она получила приглашение из Флориды на свадьбу её младшей сестры.

В соборе, уже полном гостей, Дженни и Джон сели на скамью, а Патриша, взволнованная необычностью обстановки и праздничным своим нарядом, выбежала по центральному проходу почти к алтарю и восторженно воскликнула:

— Мама! Почему ты никогда не приводила меня в церковь? Здесь так красиво!

Сыр

...А я что — не стараюсь!? Но они же...

Вот вчера в университете на приёме подошёл с тарелкой к столу с сыром и вижу: рокфор, бри, проволон, эмменталь... Да нет, у эмменталя дыры побольше. Что же это?.. Спрашиваю вежливо у буфетчицы, огромной черной туши:

- What is this?

Меряет меня взглядом и гадким сладким голосом медленно поправляет: «What is that».

Я покорнейше переспрашиваю:

- What is that?
- Cheese!

Ну не сука?..

Акулина

Лина Марику нравилась. Наверное, и он ей нравился, потому что она поехала с ним на неделю в Вирджиния Бич. Может, там не так красиво, как на Гавайях, но зато гораздо ближе — часов шесть машиной — и дешевле. Тёплый океан, бесконечный песчаный пляж — прекрасное место для отдыха.

О том, что он поедет отдыхать вместе с Линой, маме Марик не сказал, потому что ей Лина не нравилась. Да, хороша собой, из Москвы, с профессией программиста, рабочей визой и хорошо оплачиваемой работой в Вашингтоне, всего с одним ребёнком, но — русская. То есть, «русская» русская, нееврейка. Русская жена у Марика уже была, да такая мегера, что Марика подозревали в мазохизме. Она бросила его, как только

получила гринкарту. Маме не хотелось, чтобы ребёнок опять наступил на ту же швабру: «Эта шикса тоже тебя бросит, как только легализуется за твой счёт!».

Часов в пять вечера пляж был почти пустым. Марик лениво валялся на песке, когда услышал крики со стороны воды.

Он посмотрел туда и увидел Лину. Она плыла к берегу и что-то кричала. Марик бросился к ней. Он бежал по мелководью, потом плыл, а Лина уже стояла на твёрдом дне. Вода вокруг неё была красной. Марик подхватил Лину и потащил ее к берегу. То, что он увидел, уложив её на песок, было страшно: весь живот был разворочен, изнутри белело, голубело и хлестало кровью, из краёв раны торчали обломки костей.

На спасательной вышке пустого пляжа никого не было, но, к их невероятному везению, мимо проезжал джип спасателей, которые объезжали свою территорию раз в полчаса. Спасатели вызвали по рации вертолёт, и через двадцать пять минут Лина лежала на столе в операционной.

Я видел фотографии, сделанные хирургами: огромный, во весь живот, кусок кожи был почти оторван, и всё Линино устройство— кишки, желудок, печень— торчало наружу. То, что Марик принял за кости, оказалось акульими зубами.

Невероятно, но все органы были целы. Лину зашили. Ей предстояло провести в госпитале две недели, и с ней был Марик — босиком, в плавках, без денег и без документов.

Через пару дней полиция отвезла его в отель, в котором они остановились, и Марик переехал поближе к госпиталю.

Дальше всё было хорошо. Рана зажила. Марик, как порядочный человек, женился на Лине, и мама не возражала. Невестка родила двух дочерей — внучечек дорогих, дети купили дом и жили дружно — чего маме ещё желать для сына? В кругу своих Лину называли Акулиной.

Позже выяснились некоторые обстоятельства невероятного происшествия:

- 1. Акул там специально прикармливали, чтобы поддерживать бизнес «ПРИБРЕЖНАЯ ОХОТА НА АКУЛ».
- 2. У акулы есть слабое место на голове между глазами удар по которому вызывает у рыбы сильный

болевой шок. По нему-то Лина и ударила, лишив чудовище возможности попробовать русского мяса.

А от себя добавлю только, что коней тормозить и по горелым избам шастать — развлечение для деревенских. Образованная женщина и акулу голыми руками прибьёт, и за еврея замуж выйти не побоится. Русские женщины сделаны из чистого золота, можете мне поверить!

Mucmep a Muccuc Mosec

В дом престарелых мы ходили каждый день в течение двух с половиной лет. Естественно, мы были знакомы с врачами, медсёстрами, нянечками, буфетчиками и многими жильцами. У дверей каждой комнаты — небольшой стенд с фотографиями и краткой историей её обитателя. Полупрозрачная старушка из комнаты 2202 пятьдесят лет назад была оперной примадонной, а жильцы 2210-ой и 2211-ой — супруги, прожившие вместе шестьдесят лет. Они об этом не помнят. Дом престарелых — печальное место, каким бы хорошим он ни был.

Одну пару мы встречали особенно часто: ветхий старичок толкал кресло с сухонькой женщиной далеко за восемьдесят. Он вывозил её на улицу, если погода была хорошей, или на балкон, если шёл дождь, или

сидел с нею у камина — и что-то ей говорил. От медсестёр мы знали, что миссис Мозес находится в полной деменции: ничего не помнит, ничего не понимает уже больше двух лет. Её муж не пациент дома престарелых, но каждый день к семи утра приезжает к жене и проводит с ней весь день. Он умывает её, кормит, возит на прогулки, укладывает на ночь, а только потом уезжает домой (девяностолетний водитель в Штатах — обычное дело) и на следующее утро опять приезжает к семи. К жене мистер Мозес никого не подпускает, но сам делает всю работу так тщательно, что нянечкам остаётся только купать её и убирать в комнате и в ванной.

Мистер Мозес переживёт свою жену: ему нельзя умирать. А потом, может быть, и жить будет незачем, и он поспешит за ней, чтобы снова быть рядом.

Винница

В Винницу мы приехали под вечер. Про этот город мы знали только, что в нём нужно покупать грецкие орехи.

Гостиницы были забиты, и мы поехали искать ночлег в частный сектор. Через два часа, уже в темноте, мы нашли место у пожилой еврейки за десять рублей.

Сгорбленная худая старушка, назвавшаяся Ентой, взяла деньги и отвела нас в свой крохотный домик. Комната, в которой нам предстояло провести ночь, была неопрятной и пахла мочой. Мы постелили поверх продавленной скрипучей кровати наши куртки, на них — полотенца.

Заснуть не удавалось, но после дня езды на мотоцикле лежать горизонтально было большим облегчением.

Спустя час пришла хозяйка и улеглась в той же комнате (нежданная радость!). Уснула она не сразу и вполголоса всё хвалила Г-спода, пославшего ей

десять рублей, когда уже на базар не с чем было идти. Ещё Ента долго пререкалась с Ним, забравшим её мужа и допустившим, что сын повесился вот на этой люстре...

Сбежали мы затемно: так нам хотелось поскорее сесть на Яву и мчаться вперёд, и чтобы встречный воздух выдувал из нас запахи и воспоминания этой ночи, проведенной на кровати самоубийцы.

Мы-таки заехали на базар, купили орехов и ими же и позавтракали, запивая молоком. С Винницей мы так и не ознакомились.

С тех пор Цилечка любит сказать: «Хорошо, что ты на мне женился, а то мне уже на базар не с чем было идти» (в день свадьбы Цилечке было девятнадцать лет).

Нерусалим

Он подошёл ко мне на улице Бен-Йехуда вечером, часов в десять, когда там самая жизнь. Подождал, пока я закрепил камеру на штативе, посмотрел, как я кручу её туда-сюда в поисках красивых девчонок с автоматами за спиной, и сказал по-английски:

— Хорошая камера!

Что ж, неплохое начало для короткой беседы о пяти-десяти шекелях. Старый поц знал своё дело: заартачься я, и он бы просто торчал передо мной, загора-

живая объекты, как это блестяще умел делать мой кот Цезарь с компьютерным монитором — но настроение у меня было хорошее. Я знал, что дам ему немного денег: он в них явно нуждался — а я американский турист и должен соответствовать.

- Откуда ты?
- Из Балтимора, штат Мэриленд, ответил я. Передаче денег должна предшествовать приятная беседа, иначе это грабёж, а не просьба о помощи.
- Я жил в Филадельфии, сказал он, до того, как взошёл в Страну.
- Соседями были пробормотал я, наводя камеру на парочку, сидевшую на скамейке.
- A ты ведь не американец? Oн смотрел на меня всё ещё дружелюбно, в соответствии с ролью.
- Вырос на Украине. В Штатах с 89-го года, простодушно ответил я.
- Ты еврей, ты вырос на Украине, и ты переехал в Америку? уточнил он уже совсем другим голосом.

Поняв, что возражений не будет, он не сказал больше ни слова и только смотрел на меня, как ни один антисемит не смотрел за всю мою жизнь. Потом повернулся и ушёл. У меня он не взял бы ничего, даже если б я просил его об этом.

Команчи

Завтрак должен был пройти на высоте. Где-то трёхкилометровой. Но моему другу захотелось комфорта. Мы спустились с небес на землю и остановились на трассе, на безлюдной площадке отдыха, где в условиях комфорта (стол с лавками) этот завтрак и приготовили.

На площадку въехал маленький, видавший виды фургончик. Из кабины вышла молодая женщина индейской наружности. Пассажирская дверь открылась, и из неё на землю ступили один за другим четверо мужчин-индейцев, женщина средних лет, трое взрослых детей и молодая женщина с ребёнком. Мы слегка ошалели: кабина была двухместной, а народ всё прибывал — настоящий цирк! (Фокус объяснился просто: в задней стенке кабины была устроена дверца в кузов.)

В полном молчании мужчины уселись на (!) соседний с нашим стол и уставились в нашу сторону. Дружелюбия в их взгляде не было. Женщины и девушки на другом столе нарезали овощи и выкладывали традиционное индейское блюдо — пиццу-пепперони. Мужчины продолжали пялиться на нас, бледнолицых. Когда стол был готов, из кабины вышел ещё один индеец, по виду вождь, и уселся на стол, грозно поглядывая в нашу сторону.

Отдыхать нам почему-то расхотелось. Мы выбросили недоеденную яичницу, вылили недопитый кофе, быстро сложили манатки и свалили. Чары сошли миль пять спустя, и мы дружно рассмеялись.

Abunbon

Авиньон — это юг Франции, Прованс. Римские руины, Папский дворец, узкие улочки, небедные музеи, богатые магазины, прекрасные рестораны. И люди нам встречались вежливые, благожелательные. Вот только с общественными туалетами там беда — их нет, да с транспортом худо — автобусы ходят не туда, куда вам нужно, а такси можно взять лишь в одном месте девяностотысячного города — на вокзале. Можно ещё заказать машину по телефону (если вы говорите пофранцузски, разумеется), то есть нельзя.

Изучив карту, мы сели в нужный автобус, но он, против всякой картографической логики, повёз нас не в ту сторону. Когда мы это поняли, вокруг уже не было ничего исторического и привлекательного — просто скучный и довольно грязный город. Мы попробовали узнать что-нибудь у водителя, но он лишь указал на табличку, которую мы перевели как «Разговаривать с водителем запрещается». Пассажиров оставалось мало, и говорили они между собой даже не по-французски, а по-арабски, и мы не стали к ним обращаться.

И что делать? Выйти и сесть на автобус того же маршрута, идущий в противоположную сторону? Но это невозможно на улице с односторонним движением. Решили ехать до конца и на том же автобусе вернуться. Когда мы оказались на конечной и последние пасса-

жиры вышли, водитель — большой чёрный мужчина — энергичными жестами стал показывать, чтобы вышли и мы, да поскорее. Он запер за нами дверь и резво побежал на другую сторону улицы к какой-то будке.

Табличка на остановке нам ничего не объясняла, и мы просто ждали в некоторой растерянности.

Подъехал другой автобус. Белый водитель подошёл к нам и на очень приличном английском спросил, чем он может помочь. Нет, он не едет в центр, но мы можем ехать на автобусе, на котором приехали. Он отправится через пять минут, платить второй раз не нужно, билеты годны в течение полутора часов, водитель покажет вам, где выходить, я его попрошу.

— Но отчего наш водитель был так недоброжелателен, ведь все французы так вежливы? — спросила Цилечка.

Собеседник посмотрел на номер автобуса.

- Макс? Ну что вы, он добрейший человек.
- «Добрейший человек» как раз вышел из будки и широко улыбаясь шёл в нашу сторону.

Наш новый друг помахал ему рукой и объяснил нам:

- Видите ли, конечная единственное место, где мы можем...
  - Поесть? спросила Цилечка.
  - Нет... француз замялся, сходить в туалет.

Наш человек в Барселоне

Парк Гуэль в Барселоне устроен террасами. Ира с Женей провели в нём около трёх часов, поднимаясь всё выше и выше. Ира была в восторге, и Женя был рад, что сумел доставить ей удовольствие. Он не был ни архитектором, как Ира, ни таким эмоциональным, как она. Творения Гауди напоминали ему торт с кремом, но он с большим энтузиазмом поддерживал ирины восторги: «Ты смотри! Вот как! В каком году? Надо же!»

На верхней террасе, уже у выхода, Женя присел отдохнуть, потом сполз на землю и потерял сознание.

Подбежали работники парка, вызвали скорую помощь. Врач убедился, что ничего не сломано, измерил давление (низкое), сахар в крови (низкий) и сделал укол.

Женя очнулся. Ира тут же стала задавать ему стандартные вопросы: какой сейчас месяц, когда твой день рождения, как зовут президента США, просила его улыбнуться. Женя не отвечал, пристально всматриваясь в вышину.

- Что ты там видишь? испуганно спросила Ира.
- Над всей Испанией безоблачное небо, ответил Женя и улыбнулся.

Он выпил поданную санитаром бутылку воды, но ехать на скорой в больницу отказался: пропадёт день

да ещё и слупят полтыщи евриков.

Всё же в больницу они попали. Не на приём, а на экскурсию — Госпиталь Святого Павла и Святого Креста того стоил. Нынешний вид ему придал архитектор Луис Доменек-и-Монтанер в начале XX века, но вот уже шестьсот лет он поражает красотой и размахом, а на инсульты у нашего человека в Барселоне просто нет времени.

Omkyga bbi, c>p?

По дороге из Мэриленда в Массачусетс заехали на площадку отдыха. Я зашёл в Информацию взять свежую карту штата. Улыбнулся женщинам за прилавком, поздоровался.

– А вы откуда?

Я не удивился: если ты не приехал сюда ребёнком, акцент неистребим.

– Я из Украины.

Американки перестали улыбаться и, посмотрев на меня совсем иным взглядом, обе пожелали удачи мне и моей стране.

Я родился и сорок лет жил в Украине. Украинского во мне — ноль. Я свободно говорю по-украински и прочитал на этом языке множество книг, в основном, переведенных с английского (их легче было достать, чем переводы на русский), но никогда не плясал гопака, не

пел «Ти ж мэнэ пидманула!». Я был в той стране чужим, и она напоминала мне об этом тысячи раз.

Раньше на вопрос «Откуда ты?» я отвечал: «Из России». Американцы об Украине не знали: «А где это?» — приходилось объяснять.

Зато теперь они знают, и на очередной вопрос «Откуда вы, сэр?» я никогда больше не отвечу: «Из России». Это вдруг стало для меня важным.

Tpomy cobema!

Вот вы, девушки, всё мужиков ругаете: и коварные они, и неверные, и лживые... Оно, конечно... А случалось ли вам побыть в волосатой мужской шкуре самим?

Даю вводную: 36 лет, образование — высшее, семейное положение — разведён, хорош собой, хорошо одет, вежливый, непьющий, с собственной квартирой. Это и был я, когда, оформив квартирный обмен, пришёл в паспортный стол с целью прописки. Я заполнил и оставил какие-то бумаги и получил список недостающих.

Мой второй визит вызвал в конторе большое оживление. Сотрудницы из других комнат одна за другой забегали к паспортистке с возбуждёнными лицами и бессмысленными вопросами и в упор меня разглядывали: все что-то имели в виду, один я думал о своём — мне нужно было слетать в Таллинн, а паспорт был на прописке в милиции. Паспортистка, дама под пятьдесят, вошла в мое положение и пообещала провернуть дело быстро, а чтоб ещё быстрее — предложила забрать паспорт сегодня вечером у неё дома — это рядом с моим местом жительства. Я поблагодарил и ушёл, согреваемый взглядами конторских дам и дев.

В назначенное время я пришёл по указанному адресу и позвонил в дверь на первом этаже. Дверь открыла миловидная молодка лет двадцати двух, одетая по-

летнему в парадно-выходной лифчик и трусики с

кружавчиками, но на каблучках. «Мама сейчас подойдёт, она в гастроном вышла, вы её здесь подождите». Я прошёл в комнату, посмотрел в окно и заприметил мамашу без продуктов и с какой-то бабой. Тут уж я, при всей мужской тупости, начал кое-что понимать сославшись на то, что жутко хочу курить и подожду на улице, выскочил из квартиры. Мама подходила к подъезду. Увидев меня, она поняла, что её план дал сбой, и, отделавшись от свидетеля, любезно пригласила в дом.

Прописанный паспорт я принял с благодарностью и не отказался от чая. После чая, к мамашиному удовольствию, я предложил дочке прогуляться. Она рассказала свою простую исто-

рию: упомянула и завод, на котором работает, и дочь пяти лет, и проблемы совместного проживания, и мамины потуги, за которые даже извинилась. Славная оказалась девочка, но на всех не женишься, особенно если уже женат семнадцать лет и развёлся, только чтоб совершить квартирный обмен.

Вскоре я поменял эту квартиру, а потом и другую, и страну проживания, сменил несколько профессий, восемь японских автомобилей, купил дом... И только жена у меня всё та же, вот уже сорок два года.

А теперь скажите мне, ругатели мужиков, как я должен был угодить вам:

Жениться на дочке?

Жениться на маме?

С порога домоуправления заявить о том, что я женат, хотя и разведен?

Лук

Я сейчас всё объясню.

Я не люблю лук. Могу съесть колечко-другое вместе с селёдкой или с шашлыком... но я его не-люб-лю. Жареный — вообще терпеть не могу, запаха не выношу. В общем, вы поняли, так? «Он не любит лук» — точка, period. Правда, поняли? Хорошо.

А вот она — не понимает. Мы живём вместе сорок два года, она прекрасно готовит, и вообще-то мы ладим, одни поём мы песенки, одни читаем книжки. Когда мы разговариваем, нам нет нужды заканчивать

предложения: и так всё понятно. Если вдруг она говорит «Всё-таки лучше позвонить», я не спрашиваю — кому, зачем: я знаю, о чём речь, потому что думаю о том же. И так во всём. Кроме лука.

- Ты опять напихала сюда эту гадость!
- Тебе жаркое понравилось? Так оно и вкусное, потому что с луком.
- Я не желаю знать о луке! Я не хочу его видеть! Сделай что-нибудь без лука!
  - Без лука будет невкусно.
- Пусть! Пусть невкусно, но могу я раз в жизни получить мясо без этого... этого...
  - Тебе не понравится.
- Это будет моей проблемой! Я хочу мясо без лука! Пусть немного, для меня только. А себе можешь нажарить его хоть целую кастрюлю. И туши с ним, делай шкварки, накладывай на хлеб предупреди только, чтобы я мог уйти куда-нибудь.
  - Ты же не станешь есть!
- Стану, не стану моё дело. Ну что мне, на колени становиться?
  - Ну смотри! Я сделаю! Сам потом скажешь...
- Скажу, но потом! Сделай без лука, без-лу-ка-без-лу-ка-без-лу-ка!
- Ладно, я сделаю завтра. Как ты хочешь. Только не жалуйся потом.
  - Я не пожалуюсь, делай уже!

На следующий день:

- Ну как тефтели?
- Ой, хороши. Они без лука?
- Без.
- Совсем без лука?
- Совсем без лука, как ты хотел.
- А это что?!!
- Ну... немного есть, совсем без лука нельзя. Невкусно же будет!

3a osegom

- Гоша, как тебе борщ?
- Рая, откладывая ложку, вдумчиво говорит Гоша, — ты же знаешь, я вообще-то невысокого мнения о твоём умении готовить, к подгоревшим котлетам я давно привык, а то, что макароны слиплись, принимаю как неизбежное... Но такого говна, как этот борщ,

ты ещё не создавала и я не ел! Это напоминает мне о твоей маме — как ей повезло, что ты моя жена.

- При чём тут мама? Ну при чём тут моя мама?!
- Другой муж за такой борщ убил бы и тебя, и твою маму, и парочку соседей впридачу. Хорошо, что у нас нет соседей...
- Послушайте, что он говорит, этот придурок! Добавить тебе ещё?
  - Давай!

Надюнчик

В моей группе новый сотрудник. Он занимается сетью и серверами, своё дело знает, и мы отлично ладим. К тому же он «русский», и мы хорошо понимаем друг друга, хотя и говорим по-разному: он — с энтузиазмом, я — с матерком.

Сидим мы в соседних кубиках, но занятия у нас разные: я отвечаю на письма в ЖЖ, а он торчит на интернете в поисках хороших цен на доски, фанеру, навоз, инструменты. Мне перепадает от его поисков тоже: на этой неделе были бараньи ноги всего по 1,99 за фунт — даром, дети!

Гена разведен, у него есть подружка, она тоже в разводе. Это её дом он ремонтирует внутри, достраиивает снаружи, украшает цветником и дополняет огородом.

Она часто ему звонит.

— Да, Надюнчик! Я понял: по три рубля за паунд, пять паундов. Я проверю, чтобы твёрдые. Нет, туда я не успею, мне ещё... понял, хорошо! Ладно! Говорю: заеду и заберу. Ну как — до пяти: работа кончается в пять, а туда ещё... понял. Ну понял, понял! Я попро-

бую спросить, хотя в прошлый раз... ладно, спрошу, я же сказал! Надюнчик, не могу больше разговаривать: начальник пришёл, стоит рядом, мы сейчас поедем в... Нет, уже должен идти. Я потом позво... Я не бросаю трубку, но мне... Подо... Sean, I need to finish that conversation, it is important, just a minute, thank you! Я не забыл, Надюнчик, по три — пять. ...Балет?! Сегодня??? Но я же устал! Как я, сонный, обратно поведу?! Туда час ехать, парковку искать, и обратно час! Я уже гонял сегодня в Ленардтаун, три часа в обе стороны. Мне это тяже... Нет, на спектакле я не высыпаюсь! Да, я знаю, ты давно ждала Раймонду, но... Just a second, Sean, just one more second! Я убегаю — поеду, отвезу! Как ты скажешь... Оооооооо!!

Я ухожу с работы ровно в четыре. Внизу меня уже ждёт машина — у нас с женой одна на двоих. Из машины выходит Цилечка с телефоном в руке. Не переставая разговаривать с подругой (обычно это длинная цепь строгих указаний), она чмокает меня в щёку, улыбается в ответ на мой комплимент и обходит машину, чтобы занять штурманское кресло. Я сажусь за руль, включаю музыку сороковых и чувствую, что я люблю жену больше, чем вчера.

Ох, Надюнчик!..

Патриархальное матримониальное

Мой дружок Ванюша живёт в украинском селе. Он дважды женился, дважды разводился и вступать в эту реку больше не хочет. Но разве ж дадут непьющему мужику «и с колом и с двором» счастливо бобыльничать? Единственная защита от назойливых баб — баба. Уж она-то отгонит остальных. Ну а баба — это кухня, стирка, соления, варения, занавески, за занавесками...

И притёрлась однажды такая Люся. Она вообще-то замужем, да где тот муж?.. У Вани живёт уже несколько лет. Я как-то ему позвонил, но не застал и говорил с ней. Точнее, говорила она:

— Ой, а Івана нема, він до міста поїхав. Я тута з сусідою. Третій день п'ємо: його з роботи поперли, він і занудьгував. Не можна його зараз кинути — доп'ється, шо у домовину класти... Ой, приїздіть, Борис! У нас усе своє: огірочки, капустка там, яєчки, компоти! У річці й риба є. А тиша яка! Відпочинете від вашої Америки. Вам у нас добре буде. Я жінка хазяйновита, усе в мене блищить, не яка небудь... От Надька — ота ще оторва, ніякого сорому. А я порядна, у мене й чоловік є... та другий чоловік теж... Приїздіть, насправді!

Ну заинтриговала! В котором часу на Луганск?

Тачс Луганская

Таисия Дмитриевна была воспитательницей нашего сыночка Алёши в детском саду — не чужой человек. В нашем доме у неё не было отчества; и дети, и мы звали её так, как она называлась сама — Таиса, и так же, как она, немного шепеляво.

Как-то раз Таиса попросила мою жену Свету проверить её курсовую работу для педучилища, в котором училась заочно. Курсовую Света переписала заново, а после того, как та была признана лучшей в училище, она писала уже и остальные. Если б не устные экзамены, Таиса была бы круглой отличницей.

Её мужа звали Коля. Он был всегда навеселе и любую фразу начинал словами: «Я — монтажник!!» Часто на этом его речь и заканчивалась. Как он в таком состоянии лазил на высоте по металлоконструкциям, немонтажнику не понять. А ведь всё просто: вы пройдёте, не свалившись, по доске шириной в две ладони, если она лежит на земле. А если она на сорокаметровой высоте? Страшно?! Значит, нужно исключить страх. Уже звенит? Правильно, портвейну с утра стаканчик, а потом и в перерыв...

Поначалу Таиса с Колей жили «не хуже от людей» — дети были ухожены и накормлены, квартирка сияла чистотой, гардины, салфетки, хрусталь в горке создавали настоящий уют. Потом Коля для храбрости

начал пить больше, а ещё потом — заразил Таису гонореей. Тут уж она его невзлюбила — что толку от мужа, который зарплату пропивает, детьми не занимается, и спать с которым опасно?

Как и многие неверные мужья, он ревновал. Помню, Света дала Таисе поносить нарядное платье — он порезал его на куски. Однажды Таиса прибежала к нам в ночной рубашке, спасаясь от побоев. Что вам сказать... Разве в вашей семье не так?

Таиса заскучала. Даже повеситься хотела — пусть посмотрит, до чего довёл — но ведь дети... И чего это она должна вешаться, виновата она в чём, что ли? Может... Но лучше пусть она сама расскажет.

— От пошли мы у прачечную. Я стираю, а он вышел воздухом подышать. Вернулся пьяный в жопу, я уже давно всё погладила и уложила. На крыльцо вышли, а там ступеньки далеко вниз идут, льдом покрыты, и перил нет. И так мне захотелось его в спину толкнуть, аж загорелось во мне всё! Сволочь такая! Без него уж точно лучше. А потом как представила: придут люди на помины, а у меня в доме не убрато...

Монтажники с высоты не падают, но от случайностей никто не застрахован. Однажды вечером, когда Коля был «хорош», прихватило его сердце, он присел в сугроб и замёрз.

Мы уже к этому времени вернулись из Донбасса в Харьков, на поминках не были, но уверен: всё было, как принято у людей. И уж, конечно, квартира сияла чистотой. А как же!

Лекарство

Они прожили вместе пятьдесят пять лет. В Киеве он имел подпольный цех и она носила шикарные шубы, потом он сидел и она носила ему передачи. В Америке она опять носила шубы, но теперь всё её раздражало, особенно он.

Она гнобила его и жаловалась детям, внукам, знакомым во дворе, докторам в больнице и продавцам в корейской овощной лавке. Невольные слушатели печально кивали.

В какой-то момент у неё появились проблемы с сердцем. Он отвёз её в больницу, где ей сделали тройное шунтирование. Сердце заработало, но агрессивность утроилась. Он ухаживал за ней, обслуживал её,

развлекал, как мог - и был по-прежнему её главным врагом.

А потом ей прописали антидепрессант, и произошло чудо.

— Вы знаете, — говорила она знакомым, — всё-таки в Америке умеют делать лекарства: я начала принимать Золофт, и у моего мужа улучшился характер!

bykem

Уже темнело, когда моя подруга Сонечка, нестарая совсем женщина, припарковала машину возле своего дома. На пути к входной двери перед ней вдруг возник молодой человек с большим букетом. Он протянул цветы и что-то залопотал по-испански (испанский в Сан-Диего — обычное дело).

— Юноша, — сказала по-английски Сонечка, — умерьте вашу прыть. Кто бы вы ни были — Хосе или Педро — я вам в мамы гожусь, так что найдите себе кого-нибудь помоложе!

Кабальеро был вежлив и хорош собой. Он продолжал что-то лопотать, протягивая цветы. Было понятно, что спор на двух языках ни к чему не приведёт. Букет пришлось взять. Молодой человек протянул Сонечке листок бумаги (объяснение в любви?). Прижав букет к груди, она взяла и листок.

Это была квитанция о доставке. Сонечка расписалась в получении. К букету была прикреплена открытка: «Дорогую мамочку поздравляем с Днем Матери! Лара, Яша.»

Дома Сонечка в задумчивости поставила букет в вазу и посмотрела на себя в зеркало. Потом вспомнила о посыльном и вышла, чтобы дать ему пару долларов, но у дома никого уже не было.

Мы волнуемся всегда

Моя подруга Рая звонит из Сан-Франциско в Бостон сыну. Трубку берёт невестка.

- Ирочка, попроси Гришу на минутку!
- Гриша в больнице.
- Как в больнице? Что с ним?! Что случилось?!!
- Мама, вы знаете, что случилось. Гриша закончил мединститут, потом интернатуру, феллоушип и работает теперь в больнице. Врачом работает. Мы уже обсуждали эту тему... несколько раз.

Cnokoùcmbue, mo/bko cnokoùcmbue

У Наташи и Толи один ребёнок — Игорь. Хороший мальчик — спокойный, вежливый. В колледже он был чемпионом по шахматам и преуспевал на борцовском ковре. После окончания Уортонской Школы Бизнеса он работает на Уолл-стрит: бонусы к Рождеству в полтора миллиона долларов и дом на Лонг-Айленде. Часть года он проводит в Лондоне, но и родителей не забывает: подарил им двухмиллионную квартиру с видом на океан в Майами и навещает раза четыре в год.

Я не знаю, почему Наташа им недовольна, но, когда Игорёк приезжает, она его ругает и называет идиотом. Он не спорит, смотрит на маму с любовью и спрашивает: «Как ты думаешь, мамочка, это у меня наследственное или от воспитания?»

Разгадка

Дремал я как-то в предбаннике у врача, ожидая своей очереди, и проснулся, когда пациентка — «русская», судя по вязаному берету — начала взволнованно повышать голос, а чёрная регистраторша явно не понимала, чего от неё хотят. Я подошёл, попросил разрешения вмешаться и объяснил девушке за стеклом, что леди хотела бы перенести послезавтрашний визит на другое время. Дело было улажено за минуту, я вернулся в свой уголок и собрался снова задремать.

Не тут-то было. Дама в берете села рядом и стала подробно рассказывать мне свою печальную жизнь: была замзаврайздрава в Белой Церкви, а кто она теперь? Дочь уехала в Сиэтл, звонит редко, к маме не приезжает, к себе не зовёт, муж покончил с собой год назад, утопившись в заливе, а ей уже пятьдесят...

Упоминание о заливе прогнало мою дремоту: о загадочном самоубийстве я слышал, оно обсуждалось женской половиной нашей небольшой компании. Смертельная болезнь?.. Роковая любовь?.. Большой проигрыш?.. Да и способ был не мужской: не повесился, не застрелился, а утопился, как бедная Лиза. Вдову жалели.

А она уже говорила о своём здоровье, делясь сокровенным: у неё давние, больше десяти лет, проблемы с пищеварением, она приходит сюда через день, чтобы ей ставили клизму.

- Но ведь это много сотен клизм! И вы приходите за этим в госпиталь уже десять лет?!
- Нет, только год. Раньше клизму мне ставил муж. Дама продолжала говорить, но я не слушал. Я уже знал, отчего её муж утопился в заливе.

